

Турухтанный канал

Петербург в названиях

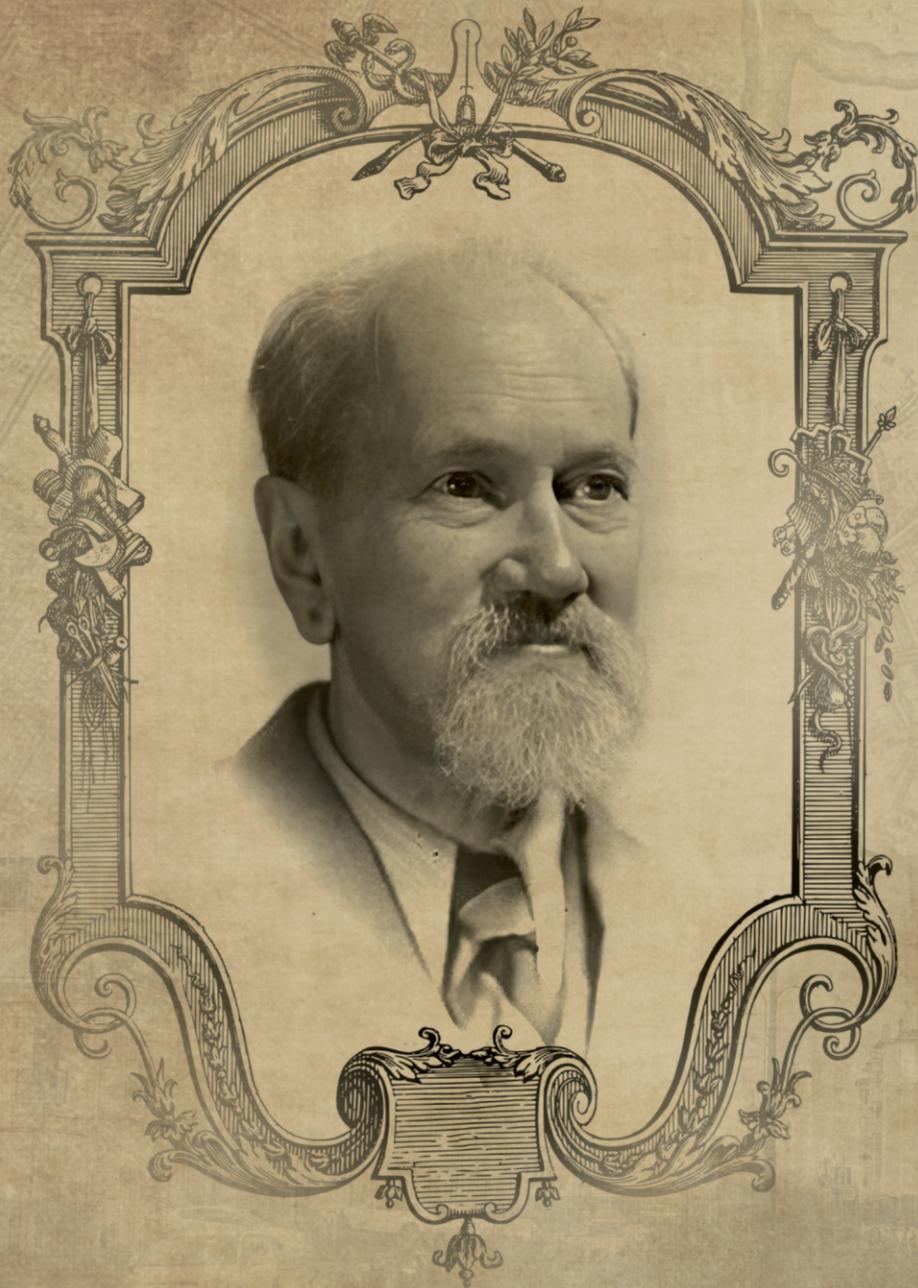
Топонимический портал
Санкт-Петербурга

институт
культурных
программ
Санкт-Петербург

Топонимический АЛЬМАНАХ

№1(19) 2024

Николай Павлович Анциферов

1889-1958

Издание подготовлено
СПб ГБУДПО
«Институт культурных
программ» при поддержке
Комитета по культуре
Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
E-mail: toponim@spbicp.ru

Редколлегия:
Алексей Владимирович
Геннадий Мартынов
Андрей Рыжков
Алексей Алексеев

Выпускающий редактор:
Елена Хацкевич

Дизайн обложки:
Павел Яковлев

Мнение авторов может
не совпадать с мнением
редакции

Оригинал-макет
ООО «Славянская Типография»
г. Воронеж, пр. Труда, д. 46 Д,
помещ. 1, ком. 1

© Институт культурных программ, 2024
Полное или частичное
воспроизведение издания
запрещено без письменного
разрешения СПб ГБУДПО
«Институт культурных программ»

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Б. Белодубровский РАДОСТЬ ЖИЗНИ БЫЛОЙ. Преодоление. Николай Павлович Анциферов	2
Г. Г. Мартынов АНЦИФЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ	8
А. Б. Рыжков ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЛЕНИНГРАД	15
Е. П. Сизёнов КОЛПИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ. История и мемориальное значение. Часть 1	20
М. В. Романовская, А. Н. Колесин ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА: Время и место. Часть 3.....	37
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	60

Е. Б. Белодубровский
РАДОСТЬ ЖИЗНИ БЫЛОЙ...
 Преодоление. Николай Павлович Анциферов

Сразу скажу, что ныне об Анциферове, как и о Пушкине, писать страшно – невольно тянет на общие места. Не говоря уже о том, что и тот, и другой довольно подробно и поучительно написали о себе сами; их творческое наследие почти полностью доступно и подробно прокомментировано учёными мужами. Разве что – судьбы их книг в потоке времени и пространства могут дать повод для беспокойства, да золотые крупницы из архивов. Однако если учесть крылатое выражение пушкиниста А. М. Эфроса, что «пушкиноведение непременно лирично», то в отношении Николая Павловича к слову «лирично» я бы прибавил слово «живительно».

Книги имеют свою судьбу – кто этого не знает, тот ничего не знает. Но далеко не все знают, что автор этого крылатого выражения римский поэт и грамматик II века

нашей эры Теренциан Мавр подразумевал не саму книгу, а каждую её строку, которая имеет свою отдельную судьбу, задающую тон целой эпохе и жизни самого творца. Именно этим и отличаются почти все книги и труды Анциферова – это и есть самая настоящая классика (школа).

В первую голову надо поставить чудом уцелевшие через годы и ссылки, сохранённые петербургским художником и режиссёром Алексеем Штерном (сыном любимого ученика Анциферова по так называемой «Тенишевке» – медиевиста Георгия Александровича Штерна) просторные, выверенные по фактам летописные мемуары Анциферова «Из дум о былом». По жанру «воспитания чувств» они прямо примыкают к «Былому и думам» А. И. Герцена. О давным-давно известных пионерских трудах Николая

Анциферовская улица в Пушкине. Фото П. В. Яковлева, 2024

Павловича по краеведению, музееведению, родиноведению, топонимике и экскурсоведению как полноправным наукам, по классической поэзии и прозе от Пушкина, Лермонтова до Александра Александровича Блока и Анны Андреевны Ахматовой, – что говорить... Тем же счастливо «страдают» статьи, лекции, выступления Анциферова и его рекомендательные очерки по вспомогательным дисциплинам. В общем, каждая строка его мемуаров, книг, брошюр, эссе, статей, очерков, рецензий, как говорится, – на вес золота. По стилю же, языку, подаче материала и владению источниками все они вкуче являют классический «петербургский текст» в топонимическом ареале, самим же Анциферовым и основанном... Короче, повторим: школа!

Нынешний год – опять же «пушкинский». Не столько по «волшебной лампочке» Михаила Булгакова, сколько, и правда, по календарю подошла-таки очередная «ровная» дата рождения Пушкина (1799–2024 – считайте сами), дающая нам право вновь преклонить перед ним свои мысли и перо, а властям опять зацепиться за «наше всё». Конечно, Николаю Павловичу как «пушкинисту первой статьи» должно принадлежать на этом празднике жизни (пускай и весьма далековатом) почётное место в самом начале. Ведь именно Анциферову, едва поселившемуся в начале 1920-х гг. с женой и с малыми детьми в Царском (Детском!) Селе, по наитию, мемуарам лицейстов и современников и по другим приметам первым довелось определить место «студенческой кельи» Пушкина № 14 в том самом полукруглом коридоре... Прежде всего – по окнам, откуда он мог видеть Екатерину Бакунину и иных «юных богинь», гуляющих с гувернантками по аллеям Лицейского сада. И мечтать. И делать им знаки. Много позже это анциферовское открытие подтвердил «пушкинист из пушкинистов» Юрий Тынянов, посетив Лицей в юбилейном 1937 году. (Попутно замечу, что

фамилия Николая Павловича среди прочих стоит под некрологом Ю. Н. Тынянова, умершего в декабре 1943 г., подписи под которым открывает Анна Ахматова.)

Разумеется, перечислять все без исключения названия книг, вышедших из-под пера профессора Анциферова, для краеведов и читателей «Топонимического альманаха» нужды нет никакой. Каждая – событие, открывающее нечто новое в уже знакомом и привычном, не говоря уже о таящихся сквозь строки откровениях и наставлениях их Автора.

Но есть одна книга Николая Павловича, в которой ему, может быть, не сознательно, удалось полностью исполнить завет стихотворца из Древнего Рима, и которая по всем статьям (время – место – эпоха) является венцом Анциферова как краеведа академической высоты и достойна быть переизданной в одноимённой академической серии, рядом с «Душой Петербурга» и «Из дум о былом». Почему? Зачем? И так всё ясно до точки... Ан нет, скажу больше и строже!!!

Эта книга – преодоление. Всё в ней дышит не столько осуждением преступных деяний вероломных грабителей-чужеземцев (что ещё очень долго, полтора-два столетия будет будоражить наши души справедливым гневом и возмущением), сколько светлым, уверенным оптимизмом её автора, предвидевшего быстрое восстановление. Потому что именно таковы, по воспоминаниям современников, друзей и коллег, были, собственно, сами Личность и Вера Николая Павловича Анциферова.

«В нашу великую и грозную эпоху, – пишет он, предваряя свой труд, – когда враг превратил в руины лучшие сокровища русской культуры, задача выяснения той роли, которую сыграли эти священные места в истории русской художественной литературы, приобретает особое значение... Когда-то Герцен вспоминал в “Былом

и думах», как Михаил Бакунин, защищая осаждённый пруссаками революционный Дрезден, советовал выставить на стены города Мадонну Рафаэля и другие шедевры Дрезденской галереи в полной уверенности, что немцы настолько образованны, что не будут стрелять по Рафаэлю».

Эта книга есть самая подробная академическая экскурсия (вы как будто слышите его мягкий музыкальный голос), в которой вместе с Николаем Павловичем переживается история этих городов, названий улиц, стиль, архитектура и сложившийся за два века быт их обитателей. Здесь же иллюстрации, где старинные виды и гравюры памятников из коллекции Государственного Литературного музея соседствуют с документальными кадрами военных фотографов 1944–1945 гг. Если сказать точнее, она по всем статьям представляет собой наипервейший и самый

необходимый материал для начавшихся (буквально с первых месяцев освобождения) восстановительных работ.

Эта книга – своеобразная поэтическая антология, в которой Автором названы имена большинства поэтов и писателей, воспевающих на все голоса заповедные места – с цитатами из их творений, а также – особая ценность! – с указанием сохранившихся или утраченных адресов их жилищ. И хотя имена Николая Гумилёва, Василия Комаровского, Осипа Мандельштама, Константина Вагинова отчуждены по сложившимся к тому времени обстоятельствам, их присутствие ощущается между строк безусловно.

Я имею в виду книгу Н. П. Анциферова «Пригороды Ленинграда. Города Пушкин, Павловск, Петродворец», выпущенную весной 1946 г. Государственным Литературным музеем.

На первый взгляд, она внешне больше напоминает путеводитель и пособие для экскурсовода, созданное самым авторитетным на тот момент в нашей стране автором, заложившим первооснову этой области краеведения. Но мало кому известно, сколько душевных сил, сомнений, страданий и мук самого личного характера пришлось перенести ему за два года (1944–1946), чтобы эта, скромная по объёму – 112 страниц убогистого текста, книга-шедевр увидела свет. То был прямой заказ от Главного управления культуры Ленинграда и самого Смольного, требующих от всех городских служб как можно скорее приняться залечивать раны, нанесённые войной. Она сыграла живительную созидательную роль и в будущем восстановленных городов-пригородов (*genius loci*), и как триумфальный победный факт биографии самого Анциферова.

С 1936 г. Николай Павлович после последней трёхлетней «отсидки» окончательно поселяется в Москве с женой Софьей Александровной. Живёт в безопасности

Обложка книги Н. П. Анциферова «Пригороды Ленинграда». М., 1946

открытым домом – по паспорту с постоянной пропиской. Работает, как говорится, «по специальности» в Государственном Литературном музее – в почёте и уважении. Печатаются в столичной прессе, преподаёт, готовится к защите диссертации. Дел по горло: принятие в Союз писателей (что даёт прибавку на жизнь), открытые двери издательства. Готовит при музее ряд выставок и начинает лекторий по истории Москвы – Герцен, Пушкин, Гоголь, и о нём по городу идёт молва как об открывающем, подобно Петербургу, «Душу Москвы»... А дома его ждет Сонюшка, горячо любимая жена, счастье и соратница по науке.

Всё так или почти так: помыслы ленинградцев чисты, проблема существует, но как Николаю Павловичу принять такое предложение? Ведь тогда ему придётся вернуться в Ленинград, который он в июне 1944 г. в числе первых посетил после полного снятия вражеской блокады на специальном самолёте в составе делегации столичных историков и музейщиков – на предмет осмотра зияющих ран, причинённых войной. Провёл здесь три рабочих дня, а по вечерам бывал у Лозинских и Толстых, где повидал, наконец, своего пятилетнего внука Мишу.

В один из дней ему с большим трудом и волокитой удалось получить разовый пропуск – разрешение съездить на Смоленское кладбище к дорогим могилам. Это посещение оказалось для него сильнейшим испытанием. Три часа бродил он среди запустения, развалин и разбитых памятников и едва-едва с помощью сторожа нашёл местá захоронений своей первой жены Татьяны и детей, умерших в 1920-е гг. Ужаснулся останкам могилы Блока (вскоре перенесённого с родственниками на «Литераторские мостки»). Наверно, вспоминал тот жаркий августовский день 1921 г., когда он был здесь, вместе со всеми прочался с любимым поэтом и даже помогал ставить деревянный сколоченный «на скорую

руку» крест (сохранилось письмо жене, написанное Николаем Петровичем карандашом по свежим следам и переданное им из Ленинграда по оказии).

Пережив всё это разом, он едва дождался вылета в Москву, отказавшись от всех мероприятий и предложений о книге...

Конечно, Николай Павлович – как историк архитектуры и учёный-краевед – своими трудами перевёл **топонимику** из категории вспомогательных исторических дисциплин в разряд полноправной науки, зажившей отныне по своим законам. Наверняка он сознавал, что предложение городских властей направлено по адресу – ему, многолетнему жителю Царского Села (Пушкина!). Знал ведь, как говорится, «назубок» приметей каждого из перечисленных городов и селений вокруг, с их дворцами, садами, парками, памятниками. Знаком был ему каждый уголок и пригорок. (По большому счёту, к этой работе обязывало и его положение члена правительственной «Комиссии по восстановлению...» – председателем её от Совнаркома был А. Н. Толстой.)

Всё-таки, нет, нет и нет! Даже тогда, когда к этому вопросу подключился его коллега по работе в ранние довоенные времена в Пушкинском Доме Виктор Андроникович Мануйлов – лермонтовед, человек безупречной репутации, подобно Анциферову начинавший свой путь в науку как пушкинист. (Этот факт, по словам самого Мануйлова в одной из моих с ним бесед об Анциферове в «Пушдоме» на «таможенной скамье» перед гардеробом – она и сейчас там, о, сколько она могла бы рассказать! – сближал их обоих «отдельной статьёй дохода».) Больше того, именно Мануйлов вместе с Ольгой Берггольц и радиожурналистом Лазарем Маграчёвым первыми из первых с отрядом красноармейцев ворвались на автомобиле в только-только освобождённый от гитлеровцев Пушкин...

Некоторое время назад в нашем Центральном архиве литературы и искусства на Шпалерной мной была обнаружена переписка двух друзей-коллег за июль – август 1944 г., в которой Виктор Андроникович весьма дружески и терпеливо советует Николаю Павловичу, несмотря ни на что, вернуться в Ленинград и как можно скорей приступить к работе над книгой.

Вот фрагмент ответа Анциферова из Москвы в Ленинград 11 августа 1944 г., где содержится главная причина, которая не позволяет ему откликнуться на добрый совет: «Ваше письмо вновь подняло во мне “несбыточные мечты”. Я решил сразу же ответить Вам, чтобы ещё раз всё обдумать. Вывод один – мне сейчас не под силу взять на себя эту работу и сложить намеченную здесь жизнь и работу. Я не хочу, чтобы у Вас осталось впечатление, что в Ленинграде я не должным образом отнёсся к Вашему совету. Я считаю и теперь, что Вы правы, убеждая меня в том, что я должен принять участие в работе над пригородами. И всё же моё решение не выполнимо. Я устал. Что-то должно преодолеть внутри – и нет сил. Ещё раз я во всей полноте ощутил свою кровную связь с любимым городом и вместе с тем, отойдя опять от него, не могу не сознаться, что он для меня лично уже кладбище, которое я должен посещать, но на котором жить не в силах...»

Эта книга – пророческая, книга-судьба. Шутка сказать! В ней в почётном ряду поэтов-царскосёллов целый разворот (с гаком) с нескрываемым восторгом и с обилием цитат отведён Анне Андреевне Ахматовой... А год выпуска – 1946! Подписана к печати 19 февраля, тираж 10 тысяч экземпляров. И уже в июне–июле обязательный экземпляр поступил в фонды нашей «Публички» (Рос-

Обложка книги Н. П. Анциферова «Радость жизни былой...». Новосибирск, 2014

сийской национальной библиотеки)¹. А вот уже и 14 августа «на носу» – постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»... Получается совсем «по Анциферову», хотим мы этого или нет: «не вырубись топором» (да ещё как посмотрит на это совпадение искушённая наука об Ахматовой). То была последняя большая (почти итоговая) послевоенная публикация стихов Ахматовой в ту счастливую пору, когда её Муза и перо, и она сама начали возвращаться к своему читателю после долгого и мучительного забвенья.

¹ Историк литературы, библиограф, архивист и знаток книжного дела той поры Георгий Гаврилович Суперфин из Бремена сообщил мне, что, по его источникам, эта книга, отпечатанная в Москве в марте–апреле 1946 г., по предварительному заказу вполне могла появиться на прилавках книжных магазинов в Ленинграде в начале июня того же года.

В большом личном фонде Николая Павловича в Рукописном отделе «Публички» хранится внутренняя издательская рецензия. Написавший её москвич вполне благодушно принял предложенный Анциферовым текст книги «Пригороды Ленинграда». И всё-таки не преминул попенять ему – даже немного «с душком», отдающим суждениями долгих прежних невесёлых лет: «Затронув в своей работе тему отражения Царского Села в упадочной поэзии предоктябрьской поры, автору следовало бы, однако, соответствующие произведения подвергнуть детальной и развёрнутой критике...»

Да! Всё правильно, как говаривала Зинаида Гippiус, «если надо объяснять – то не надо объяснять», но для нашего случая больше подходит не менее крылатое: «но всё же, всё же, всё же» (Александр Твардовский); добавим лишь, что ответственный редактор, допустивший этот текст до печати напропалую с «ахматовскими» страницами, литературовед, старший научный сотрудник Инсти-

тута мировой литературы, будущий академик Николай Леонидович Степанов (по воспоминаниям знавших его не шапочно он был страстным поклонником Анны Ахматовой) вскоре получил нагоняй и был подвергнут ostrакизму партийной верхушкой своего института.

...И вот пришло 9 июня 1946 г. Николай Павлович присутствует (гостем из Москвы) в ставшем ему родным Царском Селе (Пушкине!) на открытии «Выставки по восстановлению...». От имени ленинградских учёных всех приветствовал Виктор Андроникович Мануйлов. Среди поэтов на трибуне – Анна Андреевна Ахматова.

А уже в наше время, в 2013 г. в Царском Селе (Пушкине!), признаюсь, не без моего непосредственного участия, появилась Анциферовская улица и, в 2014 г., – его книга «Радость жизни былой...», на обложке которой – размытая, словно призрачная, лучшая в мире ограда Летнего сада, где статуи помнили молодыми и Ахматову, и его...

Г. Г. Мартынов

АНЦИФЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ

Анциферовская премия – высшая награда, присуждаемая за лучшие научные и популярные работы по историческим, экономическим, этнографическим, культурологическим и иным темам, посвящённым Санкт-Петербургу. Учреждена в августе 1995 г. Тогда же под сопредседательством Александра Валерьевича Кобака и Александра Давидовича Марголиса был образован организационный комитет, который разработал концепцию и положение о премии, регламенты работы жюри и номинационных комиссий, пригласил к участию в жюри наиболее авторитетных и уважаемых специалистов по различным аспектам петербурговедения.

Изначально учредителями премии выступили три общественных фонда (Фонд спасения Петербурга – Ленинграда, Балтийский гуманитарный фонд и фонд «Культурная инициатива») и Музей истории Санкт-Петербурга.

К 2003 г. состав учредителей расширился: Международный благотворительный фонд спасения Петербурга – Ленинграда, Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачёва, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга, Балтийский гуманитарный фонд.

С 2019 г. организаторами премии являются НИИ образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена, Фонд им. Д. С. Лихачёва, Санкт-Петербургский Союз краеведов, Центр петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки (ЦГПБ) им. В. В. Маяковского и Санкт-Петербургское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Первым бессменным председателем Анциферовского жюри, избранным на первом же его заседании, стал академик Российской Академии образования, председатель Археографической комиссии РАН, председатель Союза краеведов России Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). Затем его сменил А. Д. Марголис.

В разное время среди членов жюри находились академики Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906–1999), Владимир Николаевич Топоров (1928–2005), Борис Васильевич Ананьич (1931–2015).

Положением предусмотрено, что в случае, если кто-либо из членов жюри или номинационных комиссий будет выдвинут на соискание Анциферовской премии и даст согласие на участие в конкурсе, он выходит из их состава на весь период соискательства.

По замыслу учредителей, Анциферовская премия призвана решать следующие задачи:

- выявлять лучшие современные отечественные и зарубежные работы о Санкт-Петербурге;
- поощрять их авторов и составителей;
- стимулировать написание новых краеведческих работ;
- привлекать внимание как широкой, так и профессиональной общественности к изучению города;
- формировать Анциферовскую библиотеку по истории Петербурга.

С самого начала премия присуждается по трём номинациям:

1. Лучшая **научно-исследовательская работа** (монография, цикл статей);
2. Лучшая **популярная работа** (монография, путеводитель, учебное пособие, хрестоматия, цикл статей и др.);
3. Лучшая **работа зарубежного автора** (монография, путеводитель, цикл статей и др.).

В 1998 г. добавилась четвёртая номинация – за **общий вклад в современное петербургское краеведение** (совокупность печатных работ разных жанров, опубликованных с 1991 г., а также активная просветительская деятельность); в 2007 г. пятая – за **большой вклад в издание литературы о Петербурге** (издательская деятельность). Наконец, в 2012 г. появилась шестая номинация (вручалась трижды) – за **лучший интернет-ресурс по истории Петербурга** (веб-сайты), с 2019 г. в неё включены также историко-краеведческие группы и каналы в социальных медиа, в т. ч. персональные страницы краеведов.

Согласно положению, работы на соискание премии выдвигаются авторами, издателями или самим Анциферовским комитетом (по четвёртой номинации – только Анциферовским комитетом). К рассмотрению принимаются публикации, непосредственно посвящённые Санкт-Петербургу. Работы по русской и мировой истории, петербургская тема в которых является лишь составной частью, не рассматриваются.

Авторы подают на конкурс три экземпляра своих работ (с автографом), а также автобиографию и специальную анкету.

Анциферовская премия присуждается только один раз; лауреат премии более не может быть её соискателем. Дипломанты могут подавать заявки повторно.

Для награждения лауреатов на Санкт-Петербургском Монетном дворе по модели Александра Васильевича Бакланова изготовлены бронзовые медали с портретом Н. П. Анциферова. Эскизы дипломов двух видов – для победителя (лауреата) и для дипломантов премии – разработаны Евгением Юрьевичем Меркурьевым. В 1990-е гг. на торжественную церемонию вручения премии из США приехала дочь Н. П. Анциферова – Татьяна Николаевна Камендровская (1924–2013).

Анциферовская премия вызывает стабильный интерес исследователей из Санкт-

Петербурга, Москвы и зарубежных стран. Динамика подачи заявок на её соискание такова: 74 (1996), 77 (1998), 73 (2000), 128 (2003), 40 (2005), 53 (2007), 39 (2009), 106 (2012), нет данных (2016), свыше 135 (2019).

По решению жюри в финал выходят до 25 работ; авторы лучших из них становятся лауреатами и дипломантами. Церемония награждения сначала была приурочена ко дню города. Первые три раза (31 мая 1996, 26 мая 1998, 31 мая 2000) она состоялась в Аничковом дворце.

В четвёртый раз, в связи с 300-летием Санкт-Петербурга, вызвавшим широкий поток работ, премия вручалась 5 декабря 2003 г. в Шереметевском дворце («Фонтанном доме»).

В дальнейшем перенос даты на конец года был признан целесообразным. Далее церемония награждения проходила в ЦГПБ им. В. В. Маяковского (2 декабря 2005), вновь в Аничковом дворце (7 декабря 2007 и 12 ноября 2009), в Шереметевском дворце (5 декабря 2012), снова в Аничковом дворце (26 мая 2016).

Юбилейная, 10-я церемония вручения награды состоялась в РГПУ им. А. И. Герцена (6 декабря 2019).

Лауреатами Анциферовской премии в первых трёх номинациях стали авторы (составители) 36 изданий, в т. ч. 10 иностранных, дипломантами – 53 изданий, в т. ч. 7 иностранных. Два диплома, русскому и иностранному авторам соответственно, присуждены за циклы статей.

Лауреаты премии 1996 г.

1. *Исторические кладбища Петербурга*: Справочник-путеводитель / сост.: А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб.: Изд-во Чернышёва, 1993.

2. *Гордин А. М., Гордин М. А.* Пушкинский век. СПб.: Пушкинский фонд, 1995.

3. *Kepsu S. Pietari ennen Pietaria: Nevan-suun vaiheita ennen Pietaria kaupungin perustamista* [Kensy C. Петербург до Петербурга:

История устья Невы до основания города]. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuda, 1995.

Дипломанты премии 1996 г.

4. Булах А. Г., Абакумова Н. Б. Каменное убранство главных улиц Ленинграда. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1993.

5. Каганов Г. З. Санкт-Петербург: Образы пространства. М.: Индрик, 1995.

6. Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург, начало XVIII в. – октябрь 1917 г.: Обзорение-путеводитель / общ. ред. И.Ф. Петровской. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994.

7. Готте Г. Б. Твоё открытие Петербурга: Заметки на полях истории великого города. СПб.: Лицей; Лаверна, 1995.

8. Канн П. Я. Прогулки по Петербургу: Вдоль Мойки, Фонтанки, Садовой. СПб.: Папитра, 1994.

9. Качурин М. Г., Кодырская Г. А., Мулин Д. Н. Петербург в русской литературе: Хрестоматия, 9–11-е классы. М.: Интерпракс, 1994.

10. Кирицидели Ю. И., Левина Н. Р. Мой город – Санкт-Петербург: [Очерки истории города: Учебное пособие для учащихся старших классов]. М.: Виконт, 1994.

11. Rambow A. Überleben mit Wroten: Literatur und Ideologie während der Blockade von Leningrad [Рамбов А. Пережить словами: Литература и идеология во время блокады Ленинграда], 1941–1944. Berlin: Berlin Verlag, 1995.

12. Jansen I. Van Hollandse abstracties Russische werkelijkheid: 300 jaar tuinen landschapsarchitectuur in Sint-Petersburg [Янсен И. От голландской отстранённости к русской реальности: К 300-летию ландшафтной архитектуры в Санкт-Петербурге (цикл статей)] // Groen (Amsterdam). 1995. № 2, 4, 5, 6.

Лауреаты премии 1998 г.

13. Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: Русско-Балт. информ. центр «Блиц», 1997.

14. Овсянников Ю. М. Великие зодчие Санкт-Петербурга: Д. Трезини, Ф. Растрелли, К. Росси. СПб.: Искусство-СПб; Северо-Запад, [1996].

15. Cross A. By the Banks of the Neva: Characters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia [Кросс Э. На берегах Невы: Главы из жизни и карьеры британцев в России XVIII в.]. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Дипломанты премии 1998 г.

16. Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская [улица] / науч. ред. Б. М. Кириков. СПб.: Папирус, 1997.

17. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: АО «Славия», 1996.

18. Януш Б.В. Неизвестный Павловск: Историко-краеведческий очерк: В 2 частях. Часть 1. СПб.: Континент, 1997.

19. Гречук Н. Секунда истории: [цикл статей] // Санкт-Петербургские ведомости. 1996–1997.

20. Иванов А. А. Дома и люди: Из истории петербургских особняков. СПб.: Лениздат, 1997.

21. Massie S. Pavlovsk: The Life of a Russian Palace [Масси С. Павловск: Жизнь русского дворца]. Blue Hill, Maine: Heart Tree Press, 1997.

Лауреаты премии 2000 г.

22. Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий: [В 4 томах] / отв. ред. А. Я. Разумов. СПб.: Изд-во Рос. нац. 6-ки, 1995–1999.

23. Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 1999.

Дипломанты премии 2000 г.

24. Семёнова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.: Весь Мир; СПб.: Русско-Балт. информ. центр «Блиц», 1998.

25. Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район: Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб.: Белое и Чёрное, 1999.

26. Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии: [Том 1]. Ломоносовский район. СПб.: Русско-Балт. информ. центр «Блиц», 1999.

27. Губин Д., Лурье Л., Порошин И. Реальный Петербург: О городе с точки зрения недвижимости и о недвижимости с точки зрения истории. СПб.: Лимбус-Пресс, 1999.

28. Руденская С. Д. Царскосельский – Александровский Лицей, 1811–1917. СПб.: Лениздат, 1999.

29. Санкт-Петербург: Три века архитектуры / текст Е. В. Анисимова; подбор материалов: А. Ф. Векслер, А. А. Бихтер; гл. ред. И. С. Храбрый. СПб.: Норинт, 1999.

30. Leinonen R., Voigt E. Deutsche in St. Petersburg: Ein Blick auf den Deutschen Evangelisch-Lutherischen Smolenski-Friedhof und die europäische Kulturgeschichte: In 2 Bände [Лейнонен Р., Фогт Э. Немцы в Санкт-Петербурге: Смоленское лютеранское кладбище в истории европейской культуры: В 2 томах]. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998.

31. Nironen J. Suomalainen Pietari [Ниронен Я. Финский Петербург]. Vantaa: Novomedia, 1999.

Лауреаты премии 2003 г.

32. Горбатенко С. Б. Петергофская дорога: Историко-архитектурный путеводитель. [2-е изд.] СПб.: Европейский Дом, 2002.

33. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / авт.-сост.: С. В. Алексеева, Е. А. Балашов, А. Д. Ерофеев и др.; общ. ред. А. Г. Владимировича. СПб.: Информ.-издательское агентство «ЛИК», 2003.

34. Горышина Т. К. Зелёный мир старого Петербурга. СПб.: Искусство-СПб., 2003.

35. Schlögel K. Petersburg: Das Laboratorium der Moderne [Шлөгель К. Петербург: Лаборатория модерна], 1909–1921. München; Wien: Carl Hansler Verlag, 2002.

Дипломанты премии 2003 г.

36. Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I: История строительства. Архитек-

тура и художественное убранство. События и люди / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб.: Филолог. факультет СПб. гос. ун-та, 2002.

37. Самиздат Ленинграда, 1950-е – 1980-е: Литературная энциклопедия / авт.-сост.: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин; общ. ред. Д. Я. Северюхина. М.: Новое лит. обозрение, 2003.

38. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга в сфере «индустриальной археологии». СПб.: Белое и Чёрное, 2003.

39. Баренбаум И. Е. Книжный Петербург: Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформ-Пресс, 2003.

40. Бузинов В. М. Десять прогулок по Васильевскому. СПб.: Остров, 2002.

41. Игнатова Е. Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времён его основания до 40-х годов XX века. СПб.: Амфора, 2003.

42. Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2001.

43. Donnert E. Sankt Petersburg: Eine Kulturgeschichte [Доннерт Э. Санкт-Петербург: История культуры]. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag GmbH & Cie, 2002.

44. Fedorov S. G. Wilhelm von Traitteur: Ein badischer Baumeister als Neuerer in der russischen Architektur, 1814–1832. Zur Entwicklung der deutsch-russischen Beziehungen in Bauwesen der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. [Фёдоров С. Г. Вильгельм фон Третер: Баденский инженер-новатор в русской архитектуре, 1814–1832. О развитии германо-русских отношений в строительстве первой половины XIX в.]. Berlin: Ernst & Sohn, 2000.

Лауреаты премии 2005 г.

45. Шкаровский М. В. Церковь зовёт к защите Родины: Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Сатис, 2005.

46. George A., George E. St. Petersburg: The first Three Centuries [Джордж А., Джордж Е. Санкт-Петербург: Первые три столетия]. Stroud: Sutton Publishing Ltd., 2004.

47. *Hellberg-Hirn E.* Imperial Imprints: Post-Soviet St. Petersburg [Хеллберг-Хирн Е. Печать Империи: Постсоветский Петербург]. Helsinki, 2003.

Дипломанты премии 2005 г.

48. *Благово Н. В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге, 1856–1918. СПб.: Наука, 2005.

49. *Золотоносов М. Н.* Бронзовый век: Иллюстрированный каталог памятников, памятных знаков, городской и декоративной скульптуры Ленинграда-Петербурга, 1985–2003 гг. СПб.: Новый Мир искусства, 2005.

50. *Глезеров С. Е.* Петербург на север от Невы: Лесной; Удельная; Коломяги; Озерки; Шувалово. М.: Центрполиграф, 2004.

51. *Недошивин В. М.* Прогулки по Серебряному веку: Дома и судьбы. СПб.: Литера, 2005.

52. *Померанец К. С.* Три века петербургских наводнений. СПб.: Искусство-СПб, 2005.

Лауреаты премии 2007 г.

53. *Голубева И.А.* Пётр Николаевич Столпянский – историк Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

54. *Лалин В. В.* Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2007.

55. *Длуголенский Я. Н.* Век Достоевского: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 2005.

56. *Johnson E. D.* How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie [Джонсон Э. Д. Как Санкт-Петербург научился себя изучать: Российская идея краеведения]. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 2006.

Дипломанты премии 2007 г.

57. *Злочевский Г. Д.* Наследие Серебряного века: Избранные страницы. М.: Институт Наследия, 2007.

58. *Зуев Г. И.* Шуваловская Швейцария: (Из истории предместий Санкт-Петербурга). М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2005.

Лауреаты премии 2009 г.

59. *Северюхин Д. Я.* Старый художественный Петербург: Рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII в. до 1932 г.). СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008.

60. *Якерсон С. М.* Еврейские сокровища Петербурга: Свитки, кодексы, документы. СПб.: Арка, 2008.

61. *Гдалин А. Д., Иванова М. Р.* Сражающийся Ленинград: Почтовая открытка: Энциклопедический каталог. СПб.: Инфо-да, 2007.

62. *Глезеров С. Е.* Коломяги вокруг и около. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2008.

Дипломанты премии 2009 г.

63. *Мангутова С. Д.* Библиография Петербурга: История, современное состояние, методика формирования баз данных. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2009.

64. *Толмацкий В. А., Скурлов В. В., Иванов А. Н.* Антикварно-художественный рынок Петербурга. СПб.: Лики России, 2008.

65. *Сумерки «Сайгона»:* [Антология поэзии и прозы] / сост. и общ. ред. Ю. М. Валиевой. СПб.: Zamizdat, 2009.

66. *Петербург сквозь столетие:* Фотоальбом / авт.-сост. С. А. Компанийченко. СПб.: Изд-во ИП С. А. Компанийченко, 2008.

67. *Butenschön M.* Ein Zaubertempel für die Musen: Die Ermitage in St. Petersburg [Бутенишён М. Волшебный храм муз: Эрмитаж в Санкт-Петербурге]. Köln: Böhlau-Verlag GmbH, 2008.

Лауреаты премии 2012 г.

68. *Яров С. В.* Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.: Нестор-История, 2011.

69. *Микишатъев М. Н.* Прогулки по Центральному району: От Дворцовой до Фонтанки. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010.

70. *Гланц Д.* Блокада Ленинграда = Leningrad City under Siege, 1941–1944 / [пер.

с англ. Е. В. Ламановой]. М.: Центрполиграф, 2010.

Дипломанты премии 2012 г.

71. *Басс В. Г.* Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: Слово и форма. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2010.

72. *Васильева Г. Б., Житорчук К. В., Павелкина А. М.* Старый Петербург. Столица и окрестности: Живопись и рисунок XVIII – середины XIX в. из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб.: Крига, 2011.

73. *Краснолуцкий А. Ю.* Охтинская энциклопедия: [Том 1]. Большая Охта; [Том 2]. Малая Охта. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010–2011.

74. *Жуков К. С.* История Невского края (с древнейших времен до конца XVIII в.): Книга для учителя. СПб.: Искусство-СПб, 2010.

Лауреаты премии 2016 г.

75. *Лебина Н. В.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб.: Крига; Победа, 2015.

76. *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: Застройка и застройщики. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

77. *Кружнов Ю. Н.* История квартирного вопроса в России, или Коммуналки навсегда: Записки квартирного маклера. СПб.: Серебряный век, 2014.

78. *Трубинов Ю. В.* Архитекторы Мраморного дворца: Мистификации и реальность. СПб.: Композитор, 2013.

79. *Берар Е.* Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге = Le crépuscule du Pétersbourg impérial (1894–1914) / пер. с франц. М. Неклюдовой. М.: Новое лит. обозрение, 2016.

Дипломанты премии 2016 г.

80. *Кореницит В. А.* Летний сад Петра Великого: Рассказ о прошлом и настоящем. М.: Центрполиграф, 2015.

81. *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книги 1–2. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2015.

82. *Ухналёв А. Е.* Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. СПб.: Коло, 2015.

83. *Зимин И. В.* Зимний дворец. Люди и стены: История императорской резиденции, 1762–1917. М.: Центрполиграф, 2012.

84. *Garczyk B.* Wielonarodowy Petersburg: Nierosyjska historia miasta [Гарчик Б. Многонациональный Петербург: Нерусская история города], 1703–1917. Poznan: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2015.

Лауреаты премии 2019 г.

85. *Смирнова Т. М.* Театральная жизнь многонационального Петрограда–Ленинграда, 1917–1941. СПб.: Чистый лист, 2016.

86. *Малиновский К. В.* Бартоломео и Франческо Растрелли. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2017.

87. *Сорокин П. Е.* Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб., 2017.

88. *Zitzewitz J. von.* Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar [Цитцевитц Ж. фон. Поэзия и ленинградский религиозно-философский семинар], 1974–1980. Cambridge: Legenda, 2018.

89. *Brokken J.* De gloed van Sint-Petersburg wandelingen door heden en verleden [Броккен Я. Сияние Петербурга пронизывает прошлое и настоящее]. Amsterdam, 2016.

Дипломанты премии 2019 г.

90. *Пежемский В. Г.* Красное Село: Страницы истории: [Летняя столица российской гвардии]. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2016.

91. *Дмитриев В. И.* Солнечные часы Петербурга: История, мифы, заблуждения. СПб.: Крига, 2018.

Впоследствии некоторые из перечисленных книг появились вторыми изданиями, расширенными и дополненными, а часть

зарубежных публикаций была выпущена в переводах на русский язык. Использование этих трудов в дальнейших исследованиях должно находиться в приоритете.

В целом, перечисленные издания – как и все другие, поданные на соискание премии! – формируют уникальный комплекс основных публикаций, посвящённых истории и культуре Санкт-Петербурга, его пригородов и окрестностей. Они, и многие другие, среди которых немало раритетов начиная с XVIII в., составляют особую Анциферовскую библиотеку, начавшую формироваться в 1995 г. при Фонде им. Д. С. Лихачёва и 19 февраля 2014 г. переданную в Центр петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского.

Важнейшая тема – это библиография. Многотомного фундаментального научно-вспомогательного указателя основной литературы о Санкт-Петербурге до сих пор не существует, хотя необходимость в его появлении несомненна. Попытки его составления предпринимались, однако не были доведены до логического завершения. За незаконченные же работы, как известно, премий не выдают. Поэтому дипломантом по этому направлению стало научно-методическое пособие.

Случилось так, что в номинации «Лучшие популярные работы» Анциферовская премия не присуждалась в 2000 и 2005 гг. В номинации «Лучшие работы зарубежных авторов» не оказалось лауреатов в 2009 г. и дипломантов в 2005, 2007, 2012 и 2019 гг. В номинации «Лучшие научно-исследовательские работы» дипломанты не определены в 2019 г.

В номинации «За общий вклад в современное петербургское краеведение» лауреатами стали 18 человек: Б. М. Кириков и Н. П. Шмитт-Фогелевич (1998); Е. В. Анисимов и В. В. Антонов (2000); В. Г. Лисовский (2003); Л. Я. Лурье, А. Д. Марголис, М. Энгман из Финляндии (2005); Д. Я. Шерих (2007); А. Л. Пунин и Г. А. Богуславский (2009); Е. И. Краснова и А. Г. Булах (2012); И. И. Лисевич и М. С. Штигилиц (2016); Е. И. Жерихина, В. Г. Исаченко, О. Л. Лейкинд (2019).

Дипломы в этой номинации получили 8 человек: Г. А. Богуславский (1998); А. Л. Пунин (2000); В. Г. Исаченко, Н. В. Юхнева и В. Берелович из Франции (2003); А. С. Дубинин и М. Н. Микиштьев (2005); С. В. Семенцов (2007).

Специальный диплом за серию альбомов, посвящённых Петербургу, вручён В. С. Антощенкову (2012).

Эти имена хорошо знакомы всем серьёзным исследователям Санкт-Петербурга, каким бы направлением в изучении города они ни занимались.

В номинации «За большой вклад в издание литературы о Петербурге» лауреатами стали: издательства «Искусство-СПб» и «Коло» (2007); Государственный музей истории Санкт-Петербурга, издательства «Европейский Дом» и «Лики России», журнал «История Петербурга» (2009); Энциклопедический отдел филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, издательства «Центрполиграф» и «Крига» (2012); издательства «Серебряный век» и «Остров» (2016).

А. Б. Рыжков

ИЗ ПЕТРОГРАДА В ЛЕНИНГРАД

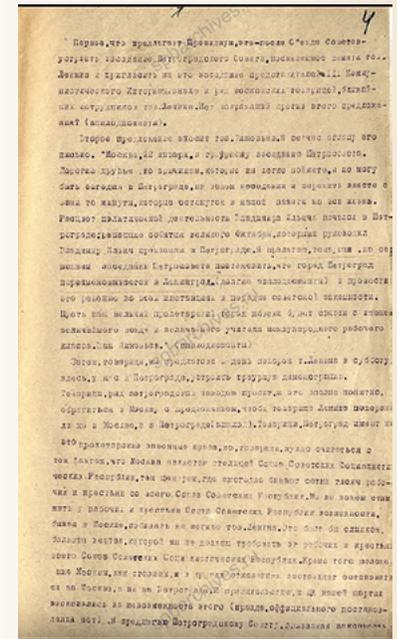
26 января 2024 г. исполнилось 100 лет со дня переименования Петрограда в Ленинград. Каким образом город обрёл имя в честь Ленина в 1924 г., какие «ленинградские» приметы и названия сохраняются и даже продолжают появляться на его карте?

Если в советский период основными инициаторами очередного переименования города представлялись питерские рабочие, скорбевшие по вождю пролетариата, то современные историки ставят эту версию под сомнение. При этом не обходится и без противоположных крайностей – якобы собрания на петроградских фабриках и заводах просто «проштамповали» резолюцию с предложением, спущенную сверху. Попробуем разобраться, как в действительности происходило переименование Петрограда в Ленинград.

Уже 22 января 1924 г., на следующий день после смерти Ленина, находившийся в Москве «хозяин Петрограда» Григорий Зиновьев направил в Петроградский совет письмо с предложением переименовать Петроград в Ленинград. Основания: «расцвет политической деятельности Владимира Ильича начался в Петрограде, и решающие события великого Октября, которыми руководил Владимир Ильич, произошли в Петрограде».

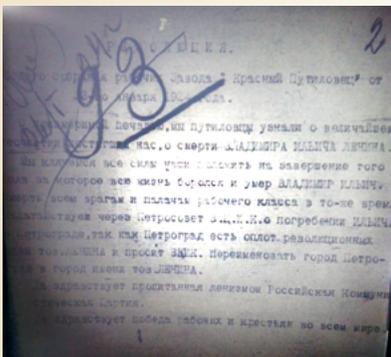
Председатель Петросовета Зиновьев в начале 1920-х гг. имел в партии большой вес, был членом Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлял Исполком Коминтерна и после смерти Ленина претендовал на руководящие роли в государстве. Переименование Петрограда в честь Ленина должно было добавить ему авторитета: Зиновьев презентовал себя «первым учеником» вождя.

Это письмо было оглашено 23 января на вечернем, траурном заседании Петросо-

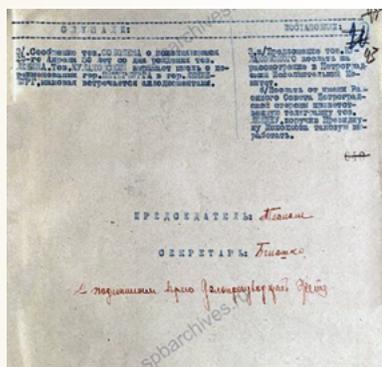

Из записи выступления зампреда Петрогубисполкома Г. Е. Евдокимова 23 января 1924 г. на траурном пленуме Петросовета. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 8. Д. 201. Л. 4

вета заместителем председателя Г. Е. Евдокимовым при бурном одобрении присутствующих. Евдокимов в своём выступлении упоминает и предложения петроградских рабочих о том, чтобы Ильича похоронили не в Москве, а в Петрограде. Такое предложение присутствует, например, в резолюции общего собрания рабочих завода «Красный Путиловец», состоявшегося днём 23 января. Но в этой резолюции содержится также и предложение о переименовании города! Причём не в форме Ленинград, предложенной

Резолюция общего собрания рабочих завода «Красный Путиловец». 23 января 1924. ЦГА СПб. Ф. 1788. Оп. 33. Д. 225. Л. 2

Постановление общего собрания Петроградского райсовета. 20 апреля 1920. ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 1. Д. 56. Л. 43

Зиновьевым, а в таком виде: «город имени тов. Ленина». До оглашения письма Зиновьева в Петросовет путиловцы не могли знать о его содержании.

В инициативе снизу о переименовании Петрограда в честь Ленина не было ничего необычного, подобные предложения выдвигались и ранее, ещё при жизни вождя. Возможно, самым оригинальным из них можно считать идею райсовета Петроградского района от 20 апреля 1920 г. о переименовании к 50-летию юбилею Ильича «гор. Петербурга в гор. Ленинбург».

Такой анахронизм объясняется позицией, занятой большевиками в 1914 г. по отношению к переименованию Санкт-Петербурга в Петроград. Тогда коммунисты не без основания посчитали этот акт царской власти проявлением великорусского шовинизма и долгое время не желали признавать переименование Петербурга на практике, именуя свой городской комитет Петербургским до марта 1917 г. Название Петербург встречалось в печати и публичных выступлениях представителей новой власти и впоследствии, до конца 1910-х гг.

Говорят, Ленин был категорическим противником переименования Петрограда

в свою честь, но, видимо, у него не было ни сил, ни желания препятствовать подобным переименованиям улиц, городских объектов и небольших населённых пунктов, захлестнувшим РСФСР уже с 1918 г. На территории современного Санкт-Петербурга при жизни Ленина получили названия Ленинская улица в Ораниенбауме (с 1998 г. вновь Еленинская), проспект Ленина, ведущий на Пискаревку (с 1903 г. – проспект Императора Петра Великого, с 1944 г. – Пискаревский), проспект Ленина в Кронштадте (до 1918 г. – Николаевский, до начала 1900-х гг. – Господская улица), улица Ленина на Петроградской стороне (до 1923 гг. – Широкая) и улица Ленина в Детском Селе (с 1993 г. вновь Широкая в Пушкине), парк Ленина у Кронверка (с 1997 г. вновь Александровский). Сергиевская слобода близ Стрельны стала посёлком имени Ленина (в 1950 г. он был включён в Стрельну).

Итак, 23 января 1924 г. Петросовет единодушно одобрил предложение Зиновьева о переименовании Петрограда в Ленинград, на следующий день на городских предприятиях прошли многочисленные рабочие и партийные собрания с поддержкой этой инициативы. При этом горячо обсуждалась сама

Красная газета. 25 января 1924

форма названия в честь Ленина: рабочие корреспонденты «Красной газеты» требовали отринуть «старорежимную» форму «град» и назвать город просто – Ленин.

Однако на утверждение в высшие органы государственной власти был направлен первоначальный вариант, предложенный Зиновьевым и предварительно согласованный им в Политбюро ЦК ВКП(б). 26 января 1924 г. Второй Всесоюзный съезд Советов «голоса» принял постановление о переименовании Петрограда в Ленинград.

На первом, траурном заседании съезда Григорий Зиновьев выступал третьим, после открывшего съезд председателя ВЦИК Михаила Калинина и вдовы Ильича Надежды Крупской. При этом обращение Петросовета к съезду Советов и будущий текст постановления озвучил не Зиновьев, а сам Калинин, который был и председателем съезда.

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ГОР ПЕТРОГРАДА В ЛЕНИНГРАД

Красный Петроград – колыбель пролетарской революции. Заслуги петроградских рабочих перед нашим Союзом Социалистических Советских Республик неизмеримо велики. Великие события Октября 1917 г., решившие судьбу нашей страны, произошли именно в Петрограде. Десятки и сотни тысяч петроградских рабочих первые пошли за тов. Лениным в огонь и составили первые железные отряды той армии, с которой Владимир Ильич Ленин победил буржуазию. В Петрограде великая пролетарская революция одержала первые решающие победы. Здесь создавались первые отряды пролетарской красной гвардии и здесь заложена была основа красной армии. Ни голод, ни холод, ни блокада, ни десятки других бедствий не сломили духа пролетарского Петрограда. Как непреступная скала, выстоял все эти годы Красный Петроград, оставшийся поныне первой цитаделью Советской Власти. Отсюда по зову тов. Ленина вышли десятки тысяч рабочих – строителей новой России, вернейших проводников идей В.И. Ленина. Расцвет революционной деятельности В.И. Ленина начался в Петрограде. В этом городе было создано первое рабоче-крестьянское правительство в мире.

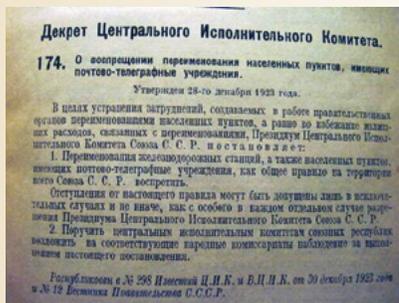
В виду всего этого, Второй Съезд СССР считает вполне справедливым удовлетворить просьбу Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, поддержанную резолюциями всех фабрик и заводов Петрограда, о переименовании гор. Петрограда в Ленинград.

Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции навсегда будет связан с именем Величайшего из вождей пролетариата, Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

(ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1. Л. 7. Оригинальная орфография сохранена)

К съезду с просьбой о переименовании в честь Ленина обращались и коммунисты Симбирска, но родной город вождя стал Ульяновском только в мае 1924 г. Были отклонены ходатайство Сибревкома о переименовании Новониколаевска (с 1926 г. – Новосибирск) в *Ульянов*, предложение обкома Автономной области Коми (Зырян) о переименовании Усть-Сысольска (с 1930 г. – Сыктывкар) в город *Владимир-Ленин*.

Вообще же после смерти Ленина в руководящие органы СССР были отправлены тысячи ходатайств о переименованиях в честь Ильича. А ведь ещё 28 декабря 1923 г. Президиум ЦИК СССР был вынужден воспретить переименования железнодорожных станций и населённых пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения, позволяя их лишь в исключительных случаях и с особого разрешения ЦИК.

Декрет ЦИК о воспреещении переименований.
28 декабря 1923

Огромное количество самостоятельных революционных переименований уже грозило хаосом в деятельности органов власти. Поэтому 5 февраля 1924 г. было принято отдельное постановление ЦИК СССР «О переименовании городов, улиц, учреждений и т. д. в связи со смертью В. И. Ульянова-Ленина», в соответствии с которым любое переименование в честь Ленина категорически запрещалось без предварительного согласия на то

Президиума ЦИК СССР не только для железнодорожных станций и населённых пунктов, но и для любых объектов.

Для увековечения создателя советского государства использовались не только его родовая фамилия и самый известный псевдоним, но и отчество: уже в 1924 г. в Азербайджане появился Порт-Ильич (с 1999 г. – город Лиман). А в 1927 г. группа тамбовских служащих обратилась в ЦИК с просьбой переименовать в *город Ильича* столицу нашей Родины. Ходатаи полагали, что *такое название более скажет уму и сердцу пролетариата, чем отжившее и бессмысленное, к тому же нерусское и не имеющее логических корней, название Москва*.

Возвращаясь к Ленинграду, нужно отметить, что следствием переименования Петрограда стало изменение почти всех названий в городе и окрестностях, которые являлись производными от Петрограда и Петербурга. Исключение составила территория *Петроградской стороны* и *Петроградского района*, где сохранились и *Петроградская набережная*, и *Петроградская улица* на Крестовском острове. Почему в этом случае власти не последовали примеру «царского» переименования 1914 г.?

При всей нелюбви к «старому миру» большевики всё же могли использовать Петра Великого как удачный пример насильственной модернизации и апеллировать к его фигуре, когда дело дошло до государственного строительства. Как писал Максимилиан Волошин: *«великий Пётр был первый большевик»*. Пожертвовав Петром для увековечения Ленина в имени города, новые власти могли оставить напоминание о нём в районе, где город зародился. Ведь и *Петровская набережная*, открывшаяся в 1903 г. как набережная *Императора Петра Великого*, не была переименована. Могло сыграть роль и нежелание полностью убирать с карты упоминание «красного Петрограда».

После возвращения исторического имени Санкт-Петербурга в 1991 г. «петроградский» топонимический куст остался на месте, по примеру 1924 г. За прошедшее время к нему добавилась станция метро *«Петроградская»*, открытая в 1963 г. Были восстановлены три «петербургских» названия: *Санкт-Петербургское шоссе* в Стрельне и Петергофе (1993), *Петербургское шоссе* в Пушкине и Шушарах (1993), а также *Петербургская улица* в Ломоносове (1998). Бывшие Петербургские улицы в Колпине, Кронштадте и Комарове остались Ленинградскими. Кроме них на территории «большого» Санкт-Петербурга имеются ещё 11 Ленинградских улиц и шоссе, не говоря уже о названии соседнего субъекта федерации – Ленинградской области.

Более того, на карте современного Петербурга появляются всё новые «ленинградские» названия. Летом 2020 г. сквер в Кировском районе на проспекте Стачек, в котором находятся танк-памятник, дот времён Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и блокадный трамвай, получил официальное наименование *Ленинградский сквер*. Именно такое название логично объединило все эти смысловые точки, отсылающие к подвигу блокадного Ленинграда. С темой героической обороны города связаны и недавно присво-

енные имена зелёных насаждений в Невском районе. Название *бульвара Ленинградских Мукомолов* (2022) связано с тем, что он находится на проспекте Обуховской Обороны напротив территории работающей всю блокаду Ленинградского мельничного комбината им. С. М. Кирова. На правом берегу Невы появилась *аллея Ленинградских Зенитчиц* (2023), которая идёт вдоль Дальневосточного проспекта от Зольной улицы до улицы Коллонтай. Близ её начала во время блокады находились позиции 2-го зенитно-пулемётного полка, защищавшего Финляндский железнодорожный мост. 25 мая 1943 года при вражеском налёте здесь погибли 14 девушек-зенитчиц, проходивших боевой сбор. Они похоронены на соседнем Киновиевском кладбище. А для микрорайона восточнее Пулковского шоссе в 2021 г. официально закреплено название *Ленинградская сторона*. Оно родом из 1970-х гг., когда обе стороны этого шоссе южнее Дунайского проспекта заняла известная в Ленинграде овощеводческая фирма «Лето». Её предшественник, совхоз «Ленинградский», базировался недалеко от областного посёлка Красный Бор. Западную сторону Пулковского шоссе, занятую теплицами, овощеводы именовали *Красноборской стороной*, а восточную – Ленинградской.

Е. П. Сизёнов

КОЛПИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

История и мемориальное значение

Некрополь – неизбежная составляющая часть человеческого бытия. Там, где живут люди, всегда есть кладбища. Веками они хоронят на них своих близких. Как правило, первоначально коллективные места захоронения складывались естественно, даже стихийно. Несмотря на то, что попытки упорядочения кладбищенской сферы в России предпринимались ещё в XVIII в., – рубежными для формирования состава и вида некрополя всё же становятся масштабные события с роковыми для жизни того или иного поколения последствиями. Для России такими рубежами были революции 1917 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В полной мере это относится и к городу Колпино – административному центру Колпинского района Ленинграда / Санкт-Петербурга.

Комплексной работы по обширной теме Колпинского некрополя до сих пор нет. Отрывочные сведения, опубликованные в различных источниках, особенно современных, подчас неточны. Так, например, в первом по времени постсоветском адресном тематическом петербургском справочнике (а в советское время их вообще не издавалось, разве что имелись куцые отделы в адресно-справочных книгах¹) содержатся более чем

¹ См., например, позднесоветские: *Ленинград: краткая адресно-справочная книга* / сост.: К. Н. Веселова, Д. Я. Пик, И. Г. Лапин и др. Л., 1973. С. 163; *Краткий телефонный справочник ЛГТС*, 1986 / сост.: Т. А. Ермакова, Л. И. Роговская, Н. Н. Скиданова, Г. В. Храпекина. Л., 1986. С. 148; *Список абонентов ЛГТС: телефоны учреждений, предприятий, организаций*, 1988 / сост.: Т. А. Ермакова, Г. В. Жаворонкова, Е. Б. Журавлёва и др. Л., 1988. С. 187; *Краткий телефонный справочник, <19>91* / сост.: Г. А. Ермакова, Т. А. Моисеева, А. В. Шпак. Л., 1992. С. 162–163. Колпино в них не учтено, хотя, начиная с 1986 г., даны адреса и телефоны кладбищ в Зеленогорске, Кронштадте, Пушкине и Сестрорецке.

скудные сведения: «*Колпинский район. 1. Городское кладбище. Открыто в 1730 г. Площадь – 14,74 га. Адрес: г. Колпино, Колпинская ул., 1. Транспорт: электропоезд до платформы “Колпино” (с Московского вокзала)*»². Здесь же учтены два городских воинских мемориальных захоронения: у посёлка Балканы (открыто в 1941, закрыто в 1945 г., площадь 2,6 га, Загородная ул., транспорт: как к Городскому кладбищу) и в районе большой радиостанции (открыто в 1941, закрыто в 1945 г., площадь 1,02 га, ул. Веры Слуцкой, транспорт: электропоезд до платформы «Понтонная» – ошибка!). Так же кратко перечислены места захоронений в Колпинском районе, прежде всего воинские: в посёлках Корчмино, Металлострой, Петро-Славянка, Понтонный, Усть-Ижора и посёлке им. Тельмана (бывшая Верхнеижорская колония), вплотную примыкающему к Колпину с юга, но административно относящемуся уже к Тосненскому району Ленинградской области. Обращаться к этой книжке в поисках конкретной информации о кладбищах, по крайней мере, Колпинского района, не рекомендую из-за реального риска получить информацию не о том месте.

В фундаментальном справочнике, посвящённом городским историческим кладбищам, Колпино не упоминается: «*Пригородный некрополь, включающий ценнейшие исторические кладбища Царского Села, Павловска, Гатчины, Кронштадта, Сестрорецка, Петергофа, Ораниенбаума,*

² *Некрополь: кладбища Санкт-Петербурга: справочник*. Вып. 1 / [сост.: П. А. Журавлёв, А. М. Качанов, В. В. Морозов]. [СПб.], 1992. С. 84. Дальнейшего продолжения это издание не получило.

в книге не освещается», – пишут его составители³.

Отрывочную информацию по Колпинскому некрополю до революции содержат справочники, над которыми по поручению великого князя Николая Михайловича работали В. И. Саитов⁴ и В. В. Шереметевский⁵, после 1917 г. – издания и публикации, полностью или частично посвящённые, в основном, непосредственно истории Колпина, которые будут названы в соответствующих местах.

При этом, как ни странно, никакой информации о Колпинском некрополе нет в справочнике захоронений Героев Советского Союза, подготовленном Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) Санкт-Петербурга, правда, в предисловии к нему оговаривается: «*В настоящее время КГИОП продолжает работу по выявлению и учёту воинских захоронений. Все они являются памятниками воинской славы*»⁶.

В аналогичном издании, посвящённом Морскому некрополю Петербурга, учтена только одна «*Братская могила воинов, погибших в Великую Отечественную войну*» на Колпинском городском кладбище, причём без указания фамилий захороненных (увековеченных), хотя во многих других случаях они в этом справочнике перечислены⁷.

³ *Исторические кладбища Петербурга: справочник-путеводитель* / сост.: А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993. С. 6. Значительно дополненное и расширенное издание этого труда вышло в 2009 г.

⁴ *Николай Михайлович*, вел. кн. Петербургский некрополь. Т. 1–4 / [подг. В. Саитов]. СПб., 1912–1913.

⁵ *Николай Михайлович*, вел. кн. Русский провинциальный некрополь. Т. 1 / [подг. В. Шереметевский]. М., 1914. Следующие тома не вышли.

⁶ *Некрополь Героев Советского Союза* / Правительство СПб. КГИОП; сост.: Н. Л. Маркина, Н. В. Рогулина, Л. П. Савинская, О. А. Шмелёва, при участии П. В. Платонова. [2-е изд., доп]. СПб., 2005. С. 4.

⁷ *Морской некрополь* / Адм. СПб. КГИОП; авт.: Н. Л. Маркина, Н. В. Рогулина, Л. П. Савинская, О. А. Шмелёва. СПб., 2000. С. 9–10.

В настоящей статье я ставлю задачу представить подробные структурированные сведения, важные и для топонимии, о кладбищах, составляющих Колпинский исторический и современный некрополь, акцентируя особое внимание на захоронениях людей, внёсших особый вклад в историю Колпина, и героев Великой Отечественной войны.

Село Колпино

Формирование Колпинского некрополя обусловлено историей самого этого поселения и прошло несколько стадий.

Летом 1722 г. на реке Ижоре, в пяти верстах от её устья, во исполнение указа Петра I от 22 мая 1719 г., устроили дерево-земляную плотину и поставили вододействующую лесопильную мельницу. Механизмы для неё были сняты с мельницы, находившейся выше по течению – в районе современного посёлка Ям-Ижора (Тосненского района). Построенная примерно в 1710 г. для Александра Даниловича Меншикова, первого губернатора Ингерманландской / Санкт-Петербургской губернии и владельца земель вдоль Ижоры, она уже в 1712 г. была передана на нужды государевы – в ведение Адмиралтейства, но работать на ней продолжали крепостные Меншикова.

В 1713 г. на ижорской лесопильне вспыхнула эпидемия «цинготной болезни», в связи с чем переполнилась «изба скорбящих» (санитарный барак). В ночь на 22 декабря находившемуся в ней при смерти рабочему Иакову во сне явился Святитель Николай, который указал ему на свой образ, сокрытый в углу избы среди разного хлама. Очнувшись, Иаков попросил отыскать образ. По его описанию икону действительно нашли, и после того, как она была очищена и утверждена на подобающем месте, Иаков и другие больные выздоровели, эпидемия прекратилась, а икону стали почитать чудотворной. В феврале 1714 г. для неё выстроили часовню; рядом появилось кладбище, которое использовалось и жите-

лями Ям-Ижоры. В изданном без указания автора описании середины XIX в. читаем: «Кругом часовни кладбище, бывшее общим как для крестьян соседнего села Ям-Ижоры, которые владеют здешнею землею и воздвигли недавно в своём селе церковь того же имени с кладбищем, так и для жителей первобытной лесопильни, на которую указывают здесь видимые на левом берегу сваи и земляные насыпи»⁸.

С переносом мельницы на новое место ниже по течению для работы на ней были набраны негодные к военной службе рекруты (со сборного пункта в Усть-Ижоре) и задержанные бродяги из разных губерний России. В 1724 г. на мельнице числилось 122 работника. Их первое поселение (слобода) возникло на правом берегу Ижоры. Здесь по ходатайству управляющего Ф. А. Вындомского с разрешения Адмиралтейств-коллегии была устроена полотняная церковь, освящённая 6 мая 1723 г. во имя Святителя и Чудотворца Николая, а слобода получила название Никольская.

Вскоре поселение работников лесопильни – Чухонская слобода – возникло и на левом берегу. В 1732 г. путём переноса дворов с правобережной слободы у истока небольшого левого притока Ижоры образовалась третья слобода – Новая. Так сформировалось село Колпино.

Рядом с церковью естественным образом появилось и кладбище.

Свято-Троицкая церковь

В 1735 г. Святейший Синод по просьбе Адмиралтейств-коллегии разрешил построить новую деревянную церковь. 26 сентября храм освятили во имя Св. Троицы. В него из ям-ижорской часовни была перене-

сена икона Св. Николая. В часовню же доставили список с этой иконы и образы, писанные на полотне, из полотняной церкви⁹.

Рядом с деревянным зданием 3 августа 1758 г. состоялась закладка каменной церкви. Она строилась 15 лет и была освящена в 1773 г. во имя Св. Троицы. Пятиглавый храм имел в плане форму греческого креста. В 30 метрах западнее от него – трёхъярусная колокольня. Автором проекта комплекса предположительно является С. И. Чевакинский, с 1741 по 1767 г. занимавший должность главного архитектора Адмиралтейств-коллегии. В новую церковь перенесли икону Св. Николая, в 1763 г. признанную Духовной Консисторией чудотворной.

По плану села, составленному в 1785 г., кладбище занимало площадь 2100 кв. саженей¹⁰; его остатки просматривались ещё в середине XIX в.: «...под тенью берёз, окружающих каменную церковь, сохранились надгробные плиты с надписями минувшего столетия в доказательство, что тут было первое сельское кладбище»¹¹.

В апреле 1918 г. церковь получила статус собора. В 1937 г. он был закрыт, здание отдали под кинотеатр¹², в 1940 г. признали памятником архитектуры. Оно серьёзно пострадало во время Великой Отечественной войны, и его руины были снесены в 1957–1958 гг.

Перенос кладбища

В первое десятилетие XIX в. в процессе реконструкции Адмиралтейских Ижорских заводов (АИЗ) создаётся система гидротехнических сооружений, служившая целям предотвращения разрушительных наводнений.

⁹ Мещанинов М. Ю. Храмы и часовни города Колпино. СПб., 1998. С. 224–225.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Колпино: селение Ижорских Адмиралтейских заводов. С. 55–56.

¹² Неизвестна судьба чудотворного образа Св. Николая. Ошибочно считать таковым икону, переданную после войны в Свято-Троицкую церковь «Кулич и Пасха», а в 2013 г. возвращённую во вновь построенный Свято-Троицкий собор Колпина.

Фрагмент карты Санкт-Петербургской губернии с указанием местоположения Колпинского кладбища. 1890

В 1805 г. в левобережной части села был прорыт полукруглый канал, вблизи устья которого устроили плотину. Тремя годами позже создаётся правобережный прямой канал, впадавший у окраины села в Харламов ручей, который был истоком реки Малой Ижорки. На ней возвели третью плотину.

Директор АИЗ А. Я. Вильсон 13 апреля 1809 г. рапортом в Адмиралтейский департамент ходатайствовал о переносе кладбища на новое место. Однако следует отметить, что «План Ижорских Адмиралтейских заводов, представленный в июле месяце 1808 года в Государственный Адмиралтейский департамент и который... Высочайше утверждён в августе...», в легенде уже содержит обозначение объекта «Кладбище вновь предположенное», но на самом плане его обозначения ещё нет. На правом берегу Прямого (ныне Комсомольского) канала обозначен храм (при этом существовавшая деревянная церковь, рядом с каменной, не нанесена).

Департамент направил донесение министру военных и морских сил П. В. Чичагову: «...Директор Ижорских заводов Вильсон донёс, что поелику кладбище, расположенное при состоящих при Ижорских заводах церквей: каменной – во имя Св. Живоначальной Троицы с двумя приделами и деревянной – во имя Св. Живоначальной Троицы, находясь внутри заводского селения, может причинить немалый вред здоровью жителей, особливо в тёплое время, то покойный директор Гаскойн предполагал перевести оное кладбище на другое место, но план заводского селения не был утверждён, ныне же, по умножившемуся числу жителей и по расположению селения по Высочайше подтвержденному плану усматривается необходимость испросить позволения на перенос кладбища к концу нового отводного канала, при том же, как деревянная церковь во имя Св. Троицы по ветхости своей к отправлению Богослужения не способна и, находясь неподалёку от литейной, подвержена может быть опасности при нынешнем употреблении для литейных печей дров, от коих искры могут причинить вред сему храму, то просим позволения перенести сию деревянную церковь на место, где будет кладбище»¹³.

Министр Чичагов 29 мая 1809 г. отправил в Адмиралтейский департамент депешу следующего содержания: «...вследствие представления сего Департамента <...> о позволении перенести деревянную церковь при Ижорском заводе за селение с устройством оной во имя Св. Николая с переведением туда и кладбища, относился я <к> Преосвященному митрополиту Новгородскому Амвросию, от которого я получил отзыв, что о сём сделано им надлежащее предписание. Уведомляю о том Адмиралтейский департамент и с тем вместе возвращаю для исполнения утверждённый мною план означенной церкви, за нужное считаю поставить на вид, чтобы кладбище, по основанию узаконений, огородить или окопать рвом»¹⁴.

Таким образом, разрешение было получено, и в том же 1809 г. кладбище переместилось за Малую Ижорку (за границами села).

¹³ Мещанинов М. Ю. Указ. соч. С. 85–86.

¹⁴ Там же. С. 86.

Церковь во имя Св. Николая Чудотворца на кладбище в Колпино. Фото 1913. Утрачена.
Источник: pastvu.com/p/124926

Проходили к нему по гребню плотины. Деревянная церковь Св. Троицы была разобрана, из её досок на кладбище построили новую церковь, освящённую во имя Св. Николая Чудотворца. Иконостас для неё был передан из упразднённой церкви Свв. Захарии и Елизаветы в башне под шпилем Главного Адмиралтейства¹⁵.

Как уже отмечено выше, на месте первоначального кладбища ещё долго сохранялись некоторые надгробные плиты с надписями XVIII в. Известно и о двух захоронениях у стен Свято-Троицкой церкви уже после переноса кладбища. В справочнике 1914 г. находим следующие записи:

«Быков Николай Адрианович, начальник Ижорских заводов, † 7 декабря 1894, 52 лет» (С. Колпино Царскосел<ьского> уезда, при Троицкой церкви).

¹⁵ В здании работы И. К. Коробова, в связи с перестройкой его А. Д. Захаровым.

Воейков Василий Иванович, р. 1759, † 28 октября 1817 (Пос. Колпино Царскосел. у., под Тихвинской часовней)»¹⁶.

Упомянутая Тихвинская часовня – одна из боковых часовен, примыкавших к колокольне с севера. Они были выстроены в 1830-е гг., первоначально деревянными, а в 1901 г. заменены каменными¹⁷. Возможно, построенная часовня накрыла могилу 1817 г. То есть, единичные захоронения на старом кладбище происходили и при Вильсоне, и после него¹⁸.

С чем связано захоронение Воейкова на старом кладбище – неясно, да и вообще его связи с Колпином пока не установлены.

¹⁶ Русский провинциальный некрополь. С. 114, 157.

¹⁷ Мещанинов М. Ю. Указ. соч. С. 88–89, 104–106.

¹⁸ По-видимому, при Троицкой церкви время от времени продолжали совершаться особо почётные захоронения. Об ещё одном из них – З. Д. Мустафиной, будет сказано ниже.

Центральная аллея кладбища в Колпино. Фото до 1917.
Источник: книга-альбом «Колпино в старых открытках». 2012

В целом, сведений о нём известно мало. Представитель старинного дворянского рода, он по одному году занимал должности в Орловской и Вологодской губерниях.

Н. А. Быкову, родившемуся в 1842 г., судьба отвела лишь два последних года, в течение которых он возглавлял АИЗ. Он умер на своём посту. При нём началась разработка заводских общественных проектов. Вероятно, захоронение в ограде Троицкой церкви – знак высшего уважения к его памяти¹⁹.

Обе могилы были утрачены, по-видимому, после того, как закрыли собор.

В рапорте Вильсона за 1817 г. содержится «Ведомость числа строений, зданий, каналов, мостов, принадлежащих Ижорскому заводу, и числа жителей, проживающих в заводском селении». Из неё следует, что в селении есть церкви каменная и деревянная, «при них кладбищ: при каменной – старое, дере-

¹⁹ Подробнее о нём см.: Колпинцы: историко-биограф. справочник / авт.-сост. Е. П. Сизёнов. СПб., 2009. С. 46.

вянной – новое». В конце ведомости сообщается: «Нет кладбищ для иностранцев, дворцовых крестьян, старообрядцев, кирок и молелен старообрядцев»²⁰.

В 1828 г. кладбищенская церковь была перестроена по проекту инженера-строителя АИЗ Андрея Васильевича Модраха. Обновлённый деревянный храм длиной 14 и шириной 6 метров с жестяной двускатной крышей и полукруглой лестницей центрального входа имел крытые галереи с северной и южной сторон. Его венчала колокольня с небольшим куполом, укреплённым на чугунных столбах. Он вмещал зимой около 130 человек, а летом, за счёт дощатых террас – около 200.

Скромный храм гармонично вписался в окружающее пространство зелёного убранства кладбища и водной глади реки. Вот его описание середины XIX в.: «Нынешнее кладбище с церковью занимает уединённое и приятное место вне села, за железной

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 308.

Третья плотина и часовня Марка Пещерника перед главным входом на Колпинское кладбище. Фото Г. Г. Мартынова. Май 2022

дорогой и мостом на деревянной плотине прямого водопровода <...>. Кладбищенская церковь выдаётся из намогильной роици, густо зеленеющей на правом берегу ручья, где он соединяется с устьем прямого водопровода; эта церковь во имя Св. Николая Чудотворца, строилась с 1813 г. из леса, оставшегося после обветшалой деревянной Троицкой церкви, снабжена образами и утварью из церкви, бывшей в башне под ипизцем С.-Петербургского Адмиралтейства, освящена в 1815 г. и недавно исправлена. Она представляет маленькую четырёхстороннюю церковь, обнесённую плитным помостом с лёгкой и красивой железной решёткой под навесом и покрытую двухскатной крышей, на которой под малым куполом на столбах висят колокола. На этом кладбище при

мёртвой тишине видим скромную церковь и памятники чиновников завода»²¹.

Журнал «Всемирная иллюстрация» в 1871 г. в статье о Колпине отмечал, что «к числу мест для прогулок в жаркие летние дни здесь можно причислить и сельское кладбище, усаженное густыми деревьями; благодаря заботливости церковного старосты по своим аллеям и дорожкам с местными скамейками оно не уступит в чистоте и опрятности любому из петербургских кладбищ»²².

Своего причта Никольская церковь не имела и была приписана к Свято-Троицкой. Только в 1925 г., когда Свято-Троицкий собор

²¹ Колпино: селение Ижорских Адмиралтейских заводов. С. 56.

²² Село Колпино. Адмиралтейские Ижорские заводы // Всемирная иллюстрация, 1871, № 5. 9 янв.

оказался в распоряжении обновленцев, она образовала отдельный приход, находившийся под омофором канонической Русской Православной церкви. После закрытия в 1937 г. собора она оставалась единственным действующим храмом в Колпине.

Колпинское кладбище нанесено на некоторые карты Санкт-Петербургской губернии. На ранних, включая карту Ф. Шуберта 1855 г.²³, – внесштабным значком. На карте-верстовке 1870 г.²⁴ – как самостоятельный объект в масштабе карты. Южная граница кладбища обозначена в створе Прямого канала.

К югу обозначен участок, подписанный как *Еврейское кладб.* Замечу, что евреи составляли небольшую, но заметную часть населения Колпина. По данным переписи 1852 г., таковых было 310 (с припиской «из нижних чинов») из общей численности 5261 жителя²⁵. Среди инославных конфессий евреи лишь немного уступали только полякам-католикам.

На военно-топографической карте 1890 г.²⁶ кладбища подписаны как «Прав<ославное>» и «Евр<ейское>».

После образования посада кладбище в 1883 г. было передано органам его власти.

Старые могилы

Из «Русского провинциального некрополя» известно ещё о 12 примечательных захоронениях в Колпине:

«*Баумгартен* Павел Егорович, генерал-майор, † 10 августа 1873, 53 л<ет> (С. Колпино Царскосел<ьского> у<езда>).

Вильсон Александр Яковлевич, инженер-генерал, начальник Ижорских заводов,

Предполагаемая могила А. Я. Вильсона. Фото Г. Г. Мартынова. Май 2022

† 13 февраля 1866, 72 л. (С. Колпино Царскосел. у., на кладбище).

Демин Александр Константинович, управляющий Бакинской Казённой палатой, † 10 сентября 1879, 55 л. (С. Колпино Царскосел. у.).

Кобозев Евграф Николаевич, генерал-лейтенант, † в Варшаве 10 октября 1912 (Пос. Колпино Царскосел. у. – Новое Время²⁷).

Мустафин Григорий Иванович, корабельный инженер, † 25 декабря 1902, 45 л. (Пос. Колпино Царскосел. у.).

Мустафин Иоанн Григорьевич, титулярный советник, † 6 марта 1903, 88 л. (Пос. Колпино Царскосел. у.).

²³ http://www.etomesto.ru/map-peterburg_3versty-center/

²⁴ http://www.etomesto.ru/map-peterburg_1versta/

²⁵ Колпино: селение Ижорских Адмиралтейских заводов. С. 14–15.

²⁶ Личный архив автора.

²⁷ Указание свидетельствует о том, что в этой газете были помещены некролог либо траурное объявление.

Семейное захоронение Мустафиных. Фото Е. П. Сизёнова.
Май 2023

Мустафин Николай Иванович, коллежский советник, † 18 октября 1896, 52 л. (Пос. Колпино Царскосел. у.).

Мустафин Константин Иванович, прапорщик, † 15 февраля 1878, 31 г. (Пос. Колпино Царскосел. у.).

Мустафина Зинаида Дмитриевна, жена генерал-лейтенанта, † в ноябре 1912 (Пос. Колпино Царскосел. у., при Троицкой церкви – Новое Время)²⁸.

Панкова Александра Ивановна, урожд<ённая> Прозорова, вдова статского советника, † 19 декабря 1910

в Симферополе (Пос. Колпино Царскосел. у. – Новое Время)²⁹.

Самойлов Андрей Васильевич, генерал-майор, † 19 сентября 1871, 80 л. (Пос. Колпино Царскосел. у.).

Швабе Карл Иванович, начальник Ижорских заводов, † 23 февраля 1863 (Пос. Колпино Царскосел. у., на кладбище)³⁰.

Ещё ряд имён находим в изданном годом-двумя ранее четырёхтомном «Петербургском некрополе»:

«**Вильсон Яков Львович инженер-генерал-майор**, р. 13 февраля 1807, † в Москве 7 декабря 1890 (Кладбище в селе Колпине).

Иванов Пётр Петрович, протоиерей, † 3 декабря 1892 (Кладбище в селе Колпине).

²⁹ Следом помещена запись: «**Панков Фёдор Илларионович, статский советник**, † 30 декабря 1885, 67 л. (Псков, Дмитриевское кладбище)».

³⁰ Русский провинциальный некрополь. С. 74, 150, 246, 406, 582, 662, 769, 951.

Игнатьев Николай Владимирович, † в Усть-Ижорском лагере 4 мая 1908 (Кладбище в селе Колпине).

Кокс Егор Иванович, тит<улярный> сов<етник>, делопроизводитель Ижорского завода, † в Петербурге 19 января 1908 (Колпинское кладбище).

Красев Павел Максимович, настоятель Колпинских церквей в течение 35 лет, р. 28 октября 1807, † 21 февраля 1875 (Кладбище в селе Колпине).

Лихачев Пётр Иванович, † 27 мая 1908 (Колпинское кладбище).

Матисон Константин Семёнович, полковник, † 11 января 1884 (Колпинское кладбище).

Перов Филипп Михайлович, отставной полковник 17-го сапёрного Сибирского батальона, † в Колпине 11 ноября 1908 (Кладбище в селе Колпине).

Розов Иван Ермиевич, доктор, д<ействительный> ст<атский> сов<етник>, † 4 октября 1892 (Кладбище в селе Колпине).

Самойлова Анна Самойловна, † 21 марта 1887. С мужем, А. В. Самойловым (Кладбище в Колпине).

Филиппов Александр Иванович, майор, † 17 мая 1869, на 74 г. (Кладбище в г. Колпине).

Целибеев Пётр Фёдорович, пот<омственный> поч<ётный> гражданин, † 21 октября 1907 (Колпинское кладбище)³¹.

Как видно, между собой перечни почему-то почти не пересекаются, за исключением А. В. Самойлова, К. И. Швабе (повторные записи мы не приводим) и, к счастью, одной из самых важных записей, которая имеет существенные отличия: «**Вильсон Александр Яковлевич, инженер-генерал**, р. 16 февраля 1776, † 13 февраля 1866, на 72 году государственной его службы. Надпись по-русски

и по-английски. С Я. Л. Вильсон<ом>» (Кладбище в селе Колпине)³².

Во-первых, здесь говорится о том, что 72 года (!) – это срок его службы в России (а не возраст, как следует из записи в «Русском провинциальном некрополе»). Во-вторых, указывается, что надписи сделаны на двух языках. И, наконец, сообщается о том, что вместе с ним похоронен его племянник, скончавшийся через 25 лет (отметим, что имя Яков / Джеймс присутствует в каждом из трёх известных нам поколений Вильсонов на российской службе).

Мало кто может сравниться с выходцем из Шотландии Александром Вильсоном по тому месту, которое он занимает в истории Колпина. Перенос кладбища – одно из первых его деяний на посту директора (с 1827 г. начальника) Ижорских заводов, каковым он оставался полвека. Сменившему его в 1856 г. К. Швабе³³ судьба отвела всего шесть лет, но и он успел сделать немало: в частности, при нём началось строительство первого в России бронепрокатного завода. А. Самойлов³⁴ почти 40 лет заведовал мастерской навигационных приборов, стоял у истоков навигационного приборостроения в России.

У остальных из выборки по «Русскому провинциальному некрополю», помимо Мустафиных: двух генералов, одного статского чиновника и вдовы чиновника – связи с Колпином пока не прослежены. Евграф Кобозев, вероятно, мог жить здесь, так как в 1865 г. отставной коллежский секретарь Николай Кобозев получил в селе землю под строительство дома. Евграфу, его сыну, тогда было 14 лет³⁵. Но скончался он в Варшаве.

В выборке, сделанной на основе «Петербургского некрополя», – люди, заслужившие

³² Там же. Т. 1. С. 437.

³³ Подробнее о нём см.: *Колпинцы*: историко-биограф. справочник. С. 323.

³⁴ Подробнее о нём см.: Там же. С. 253.

³⁵ Журнал Комиссии по обревизованию Адмиралтейских Ижорских заводов. 1872. С. 1669, 1637 (хранится в фондах Музея истории Ижорских заводов).

Могила протоиерея Петра Иванова. Фото Е. П. Сизёнова. Май 2023

добрую память. Прежде всего, о тех, кто непосредственно связан с Колпином. Протоиереи Павел Красев³⁶ и Пётр Иванов³⁷ в течение длительного времени являлись настоятелями Св.-Троицкой церкви.

Иван Розов служил на флоте. В 1868 г. он был назначен врачом кадра постоянных мастеров и рабочих АИЗ, а в 1878 г. – старшим врачом. В медицинской среде пользовался известностью как популяризатор знаний и переводчик врачебных заметок с английского и немецкого языков.

Из краткой записи очевидно, что колпинцем был и Егор Кокс, но подробностей его биографии, как и прочих упомянутых, пока сообщить не могу.

Из других людей второго списка на месте удалось разыскать только могилы обоих про-

тоиереев и некоего Петра Лихачева, сохранившуюся в первоначальном виде – восьмиконечный металлический крест на узком пьедестале коричневого гранита (семейное захоронение).

***

Наиболее ценные надгробия Колпинского городского кладбища сотрудники Музея истории Ижорских заводов совместно с комиссией Государственной инспекции по охране памятников сфотографировали 10 июня 1998 г. Тогда появился и список из 20 захоронений, которые было предложено включить в перечень исторических памятников города Колпино. В него вошли могилы не только выдающихся лиц, но и простых людей, а также захоронения, имеющие историческую и/или художественную ценность.

Большую часть списка составили дореволюционные захоронения.

Ф. И. О.	Годы жизни	Информация о захороненном	Описание надгробия
Васильев Степан Васильевич	? – 1909	Учитель школы при АИЗ	Камень
Вильсон Александр Яковлевич	1776–1866	Директор АИЗ	Гранитные чаша на пьедестале
Георгиевские Михаил Матвеевич	1844–1910	Священник (с 1881), настоятель (с 1892) Св.-Троицкой церкви, протоиерей	Бетонные крест (с включениями мелкой белой керамической плитки) и раковина
Мария Михайловна	1849–1919	Его супруга	
Иванов Пётр Петрович	1833–1892	Настоятель Св.-Троицкой церкви (с 1883), протоиерей	Белый каменный пьедестал
Ильин Филипп	1792–1832	Нет данных	Башенка из известняка в виде часовни
Кобозев Евграф Николаевич	1851–1912	Генерал-лейтенант артиллерии	Куб серого гранита
Красев Павел Максимович	1807–1875	Настоятель Св.-Троицкой церкви (с 1841), протоиерей	Надгробие из полированного чёрного камня в виде аналая; современный деревянный крест
Мустафины Ольга Густавовна	1871–1893	Члены семьи кораблестроителя генерал-лейтенанта Александра Ивановича Мустафина (1850–1912)	Мраморный крест на пьедестале
Николай Иванович	1844–1896		То же
Иван Григорьевич	1814–1903		То же
Татьяна Степановна	1821–1895		Мраморный пьедестал
Орловы Алексей Ильич	1817–1900	Протодиакон колпинской Св.-Троицкой церкви	Металлический крест на каменном пьедестале с белой плитой
Любовь Алексеевна	1814–1899	Его супруга	Современный деревянный крест
Павлов Алексей Павлович	1797–1869	Полковник, смотритель Ижорского морского военного госпиталя	Белый каменный куб
Полотновы Исидор Михайлович Александр Михайловна	1815–1883 1825–1902	Родители купца Аникиты Исидоровича Полотнова	Башенки из известняка в виде часовни на пьедесталах из чёрного камня

В этом перечне – четыре могилы, упомянутые в «Русском провинциальном некрополе»: Вильсона, Кобозева, Ивана и Николая Мустафиных, и две могилы из «Петербургского некрополя» – Иванова и Красева. По-видимому, только они и сохранились до наших дней.

³⁶ Подробнее о нём см.: Колпинцы: историко-био-гр. справочник. С. 154 (под фамилией: Красов).

³⁷ Подробнее о нём см.: Там же. С. 124.

Вид первоначального памятника А. Я. Вильсону неизвестен. Ныне местом его захоронения предположительно считается огромный пьедестал коричневого гранита, увенчанный такой же гранитной чашей, на одной из граней которого укреплена соответствующая плитка чёрного гранита: «Вильсон Александр Яковлевич, 1776–1886». Она – современная и появилась по настоянию сотрудников Музея истории Ижорских заводов. Первоначальная надпись на постаменте утрачена (даже непонятно, как именно она была выполнена – ни следов креплений, ни следов шлифовки на гранях визуально не просматривается), поэтому чья в действительности эта могила, достоверно пока не установлено. На возможную принадлежность Вильсону указывают косвенные признаки: «...судя по художественному оформлению памятника, его значительным размерам и расположению, сотрудники музея предполагают, что это надгробие Вильсона. Чаша находится в дорогой части кладбища – недалеко от кладбищенской церкви. А как утверждают документы, рядом с кладбищенской церковью находились памятники чиновникам завода. По архивным источникам установлено, что на колпинском кладбище были похоронены директор завода Александр Вильсон и Карл Швабе, а также мастер мореходных инструментов Андрей Самойлов»³⁸.

Усилия сотрудников музея придать этому захоронению как могиле выдающегося человека статус объекта охраны не пропали. Могила Вильсона включена в «Перечень захоронений известных граждан, внёсших вклад в историю России и Санкт-Петербурга», утверждённый распоряжением губернатора Санкт-Петербурга № 88/1-РП от 11 июля 2005 г. (таковых на Колпинском городском кладбище пять). Сведения, указанные

о Вильсоне в этом документе, следующие: «руководитель Адмиралтейских Ижорских заводов в Колпино и Императорской Александровской мануфактуры в Санкт-Петербурге. Под его руководством на Адмиралтейских Ижорских заводах в 1816 году был построен первый в России военный колёсный пароход «Скорый»».

Рядом с пьедесталом – постамент серого гранита меньших размеров с утраченным верхом, также без надписи. По форме он должен был завершаться обелиском, а может быть, на нём стояла такая же ваза. Если версия о принадлежности могилы А. Я. Вильсону правильная, то пустой пьедестал – возможное надгробие его племянника Якова. Впрочем, не исключён и обратный вариант.

Могилы же Швабе, Самойлова и его жены найдены не были.

Супруги Георгиевские оставили большое потомство: семь сыновей и пять дочерей. Среди них – люди с яркой и интересной биографией: военные, учёные, врачи, учителя. Могилы некоторых из них – также на Колпинском кладбище.

Одну из дочерей Георгиевских звали Марией Михайловной, как и супругу самого настоятеля Свято-Троицкой церкви. Родившаяся в 1882 г., она вышла замуж за священника той же церкви Вячеслава Исполатова, впоследствии настоятеля храма в Усть-Ижоре, расстрелянного в 1938 г.³⁹ Сама Мария была в ссылке до 1946 г.; умерла в 1965 г. Её могила, явно с современным памятником (стела чёрного гранита с цветником), находится на одном участке с могилой её брата Василия Михайловича (1876–1940), который работал учителем сначала в колпинской церковно-приходской школе, потом в советской и в школе ФЗУ⁴⁰. В 1902 г. он женился на Марии Михайловне Булиной, взявшей фамилию мужа. Таким образом, появилась третья

³⁸ Лопатенко Н. Л. Жизнь прекрасна, но коротка // Ижорские берега: [Колпинский альманах]. 1999. № 2. С. 185–188.

³⁹ Подробнее о нём см.: Колпинцы: историко-биограф. справочник. С. 127.

⁴⁰ Подробнее см.: Там же. С. 66.

Семейное захоронение Георгиевских. Фото Е. П. Сизёнова. Май 2023

Мария Михайловна Георгиевская (1882–1934)! Её могила – на участке родителей мужа, обозначена крестом, соответствующим времени захоронения, с именной табличкой.

Напротив могилы М. М. Исполатовой находится захоронение Николая Михайловича Георгиевского (1886–1959) – врача, во время Великой Отечественной войны возглавлявшего медицинскую службу Ижорского завода⁴¹. Памятник на ней явно «составной» – на первоначальной бетонной плите установлен современный деревянный крест, на котором дополнительно укреплен табличка с именем Екатерины Фёдоровны Багновской (1908–1993), дочери его брата, педагога, около 30 лет проработавшей в колпинских школах⁴².

Внимание к семейному захоронению Мустафиных, отмеченное ещё справочником 1914 г., несомненно, связано с именем кораб-

лестроителя генерал-лейтенанта Александра Ивановича Мустафина. Однако состав семейного захоронения претерпел значительные изменения. Из пяти могил, включённых в «Петербургский некрополь», до нашего времени сохранились две: Ивана Григорьевича, отца А. И. Мустафина, и Николая Ивановича, его брата. Также сохранились две не упомянутые: Татьяны Степановны, матери А. И. Мустафина, и Ольги Густавовны, урождённой Тигерстедт – предположительно, это жена его брата, Григория Ивановича. Возможно, их отсутствие в дореволюционном справочнике связано с дальностью родства с А. И. Мустафиным, а может быть, с простой невнимательностью. Могилы Зинаиды Дмитриевны, жены А. И. Мустафина, и его братьев: Григория и Константина – не сохранились.

В 2005 г. сотрудник Музея истории ОАО «Ижорские заводы» Г. А. Ефимова писала: «На городском кладбище имеется

⁴¹ Подробнее см.: Там же. С. 66.

⁴² Подробнее см.: Там же. С. 23–24.

семейное захоронение Мустафиных. Надгробия из белого камня долгие годы были опрокинуты. По ходатайству музея истории ОАО «Ижорские заводы» работники Похоронного бюро, возглавляемого А. В. Карповым, два года назад восстановили надгробья. Однако простояли они недолго: вновь были опрокинуты и разбиты. В таком виде они и пребывают до сих пор, что не делает чести колпинцам»⁴³. В настоящее время захоронение Мустафиных вновь приведено в удовлетворительное состояние.

Это семейное захоронение также включено в «Перечень захоронений известных граждан...», однако запись о нём начинается с имени самого Александра Ивановича Мустафина, что является ошибкой. К сожалению, она воспроизведена и на информационном щите, установленном при входе на Колпинское кладбище.

Имеется ещё ряд старых семейных захоронений, интересных тем, что в них покоятся предки замечательных людей. Одно из них – могила Сегенюков: пьедестал с крестом, под которым покоятся Иоанн Иоаннович (в подписи: Иван Иосафатович; 1845–1919), псаломщик, и его жена Феликса Венедиктовна (1861–1934), урождённая Боярская, из польских православных дворян. Их сын Александр (1885–1937) в 1915 г. стал настоятелем Свято-Троицкой церкви, а в 1916 г. с высочайшего соизволения принял фамилию матери – Боярский. Второй их сын, Иван Сегенюк (1896–1975) – участник Первой мировой войны, затем служил в Красной армии, в 1921 г. был командиром 8-й батареи воздушной бригады. Во время Великой Отечественной войны получил звание капитана интендантской службы. Похоронен рядом с родителями (раковина под деревянным крестом, выкрашенным зелёной краской). Вместе с четой Сегенюков похоронена

Надежда Ивановна Костюшко (1901–1979), по-видимому, их дочь.

Роль Александра Ивановича Боярского в колпинской жизни была весьма велика. При нём, в 1918 г., Свято-Троицкая церковь получила статус собора. Он снискал уважение прихожан, но, став видным деятелем обновленчества, в 1920-е гг. привёл колпинскую православную общину к расколу. В 1925 г. приверженцы канонического православия (сторонники патриарха Тихона) покинули собор и обосновались в Никольской церкви на кладбище. До 1931 г. Александр Боярский был настоятелем Свято-Троицкого собора, после чего вынужденно покинул Колпино. Он продолжил службу в городе Иваново, а в 1937 г. по обвинению в антисоветской агитации был приговорён к расстрелу⁴⁴. Сыновья же Александра Боярского – Сергей (1916–1976) и Николай (1922–1988) – стали известными ленинградскими актёрами, основателями знаменитой театральной династии...

Известной колпинской фамилией были Фаламеевы (Фоломеевы). Выходцы из крестьян, они занялись предпринимательской деятельностью, в частности, стали владельцами лесной биржи. Будучи активными участниками приходской и общественной жизни, много жертвовали на церковь и благотворительные проекты. Александр Матвеевич Фаламеев состоял членом городской управы. В Колпине сохранился его дом, стоявший на Троицкой улице, 35, сильно перестроенный после войны (современный адрес: улица Труда, 17а). Иван Васильевич Фаломеев (1872–1937) в 1930-е гг. был казначеем церковной двадцатки при Колпинской кладбищенской церкви. Вместе со всем причтом его арестовали 17 ноября 1937 г. и уже 14 декабря расстреляли.

На городском кладбище – два участка с захоронениями Фаламеевых (Фоломеевых), в т. ч. дореволюционные: Василия Александровича Фаламеева (?–1887) – крест на камне;

⁴⁴ Подробнее о нём см.: Боярская Е. Театральная династия Боярских. М., 2007. С. 42–65.

Семейное захоронение Полотновых. Фото Г. Г. Мартынова. Май 2023

Веры Александровны – на постаменте её надгробия вырезано: «Браком сочеталась Вера Александровна 1872 г. февраля 4-го дня с Ва. Аф. Фоломеевым житья в 60 лет». Вероятно, это родители Ивана Васильевича.

На 2-й аллее обращает на себя внимание участок с двумя могилами – часовенные столбы (одна из характерных форм недавних дореволюционных надгробий), составленные из высоких пьедесталов чёрного гранита и верхней фигурной части, выполненной из известняка. Здесь лежат супруги Полотновы. Исидор Михайлович был мастерским АИЗ. Как следует из надписи на пьедестале, он скончался 20 декабря 1883 г., на 68 году. Его жена Антонина Михайловна умерла 23 марта 1902 г., на 77 году. Их сын, Аникита Исидорович (1852?–1915), купец II гильдии, в течение 12 лет (1884–1896) занимал должность головы посада. В Колпине он владел четырьмя домами. Много жертвовал на благотворительные цели, состоял в благотворительных обществах Колпина и Петербурга. Содержал церковно-при-

ходскую школу в своём доме, открыл ночлежный дом. В 1896 г. добился строительства церкви со школой на Царкосельском проспекте (ныне проспект Ленина), выделил средства на эти цели. Церковно-приходская школа открылась в 1898 г., церковь была освящена 7 января 1901 г. во имя Вознесения Господня – он состоял его старостой до своей смерти⁴⁵. В 2018 г. у исторического здания Колпинской посадской думы, ныне занимаемого органами власти муниципального образования, открыт памятник А. И. Полотнову, выполненный его праправнуком скульптором Андреем Молчановским и подаренный городу Колпино.

Жертвам взрывов

Среди дореволюционных захоронений особое место занимают братские могилы погибших при взрывах в мастерских Ижорских заводов.

⁴⁵ Подробнее см.: Колпинцы: историко-биограф. справочник. С. 234.

⁴³ Личный архив автора.

Памятник на братской могиле жертв взрывов в мастерских Ижорского завода 1910 и 1911 гг. Фото Е. П. Сизёнова. Май 2023

На одной из них установлен постамент со стелой (по-видимому, из известняка), увенчанной звездой и прикреплена табличка, содержащая две надписи в старой орфографии (вероятно, это всё же более поздняя стилизация). Одна из них сообщает, что 8 декабря 1910 г. умерли при взрыве в меднокотельной мастерской мастеровые Иван Глазов, Дмитрий Фёдоров, Андрей Никифоров, Николай Абрамов. Вторая надпись гласит о том, что 1 сентября 1911 г. умер при взрыве в бронееотделочной мастерской Лев Жолнер. Прикреплены и более поздние таблички родственников Никифорова.

Газета «Русское слово» сообщала подробности аварии в меднокотельной мастерской: «Взорвался бак с водородом. Взрыв был настолько силен, что кирпичные своды и простенки мастерской рухнули». Сообщалось о гибели под обломками начальника мастерской П. Ф. Антипова и двух рабочих. «Трупы их были извлечены из-под обломков в страшно обезображенном виде, с про-

ломленными черепами, с разбитыми грудными клетками, оторванными руками и ногами. Кроме того, 9 рабочих получили тяжёлые поражения всего тела, а около 10-ти человек – лёгкие поранения и отравления удушливым газом»⁴⁶.

Более трагичными оказались последствия взрыва 17 декабря 1913 г. в чугунолитейной мастерской. Погибли рабочие Степан Лукашевский, Михаил Красновский, Борис Николаев, Николай Кудрявцев, Павел Оглоблин. Двое: Павел Лукшталь и мастер бронееотделочной № 2 Фёдор Варламов – скончались от полученных травм позднее, а ещё 11 рабочих получили травмы. Похороны погибших 19 декабря вылились в массовую демонстрацию. Представители мастерских вынесли из больницы пять гробов и, окружённые огромной толпой, на руках понесли их в Троицкую церковь. Рабочие несли венки с красными лентами, на кладбище с речью выступил депутат IV Государственной думы большевик А. Е. Бадаев. Погибших он назвал «жертвами капитала», поэтому, заявил он, «будем бороться с капиталом...»⁴⁷ (заметим, однако, что этот эффектный ораторский приём не имел под собой оснований: завод был государственным, подчинялся Морскому министерству). Памятник на захоронении представляет собой постамент с гранитной тумбой, увенчанной пятиконечной звездой (несомненно, более позднее дополнение). В настоящее время оно обнесено цепной оградой.

Но подавляющее большинство дореволюционных захоронений уже давно безвозвратно утрачено...

В следующем номере мы продолжим публикацию исследования о Колтинском некрополе.

⁴⁶ Цит. по сайту «Газетные старости», см.: <http://starosti.ru/article.php?id=25785>.

⁴⁷ Ижорский завод. М., 1934. С. 341–342.

М. В. Романовская, А. Н. Колесин ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА: ВРЕМЯ И МЕСТО¹

Часть 3. «Аптекарский период»

*Сначала всегда обнаруживают факты, а не теории.
Теория складывается среди прочего в ходе дискуссии.*

Карл Густав Юнг

Земные и небесные координаты

Императорская Николаевская детская больница (И.Н.Д.Б.) за 83 года существования сменила три адреса. В соответствии с названиями островов Невской дельты, на которых размещался первый в Петербурге и России педиатрический стационар, выделяются три периода его истории: «Коломенский» (1834–1842), «Спасский» (1842–1912) и «Аптекарский» (1912–1917).

Предыстория переезда больницы на Аптекарский остров

Ежегодные отчёты и переписка директоров-главных врачей Л. И. Томашевского и Н. К. Вяжлинского с Ведомством учреждений Императрицы Марии (В.У.И.М.), членами Попечительского Совета и Строительно-хозяйственного комитета детской больницы за 1880–1912 гг. показывают, что у заведения на Спасском острове отсутствовала перспектива улучшения «гигиенических условий» содержания пациентов. Северная столица стремительно превращалась в один из самых густонаселённых европейских городов. «В 1890 в П<етербурге> 1 млн. жит<елей> (в 1912 – 2 млн.). <...> В 1915 в П<етрограде> было свыше 2 млн. жит<елей>»². Как результат, 110-ти штатных

и 32-х сверхштатных кроватей для стационарных больных хронически не хватало.

Повсеместное уплотнение городской застройки в перенаселённых кварталах по обе стороны Садовой улицы от Апраксина переулка до Вознесенского проспекта, начиная со строительного бума 1890-х гг. вплоть до начала Первой мировой войны, неизбежно создавало неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию. Усугублялась она тем, что «заразные» отделения детской больницы располагались вблизи обжорных рядов и лавок студеников, гусачников и коптильщиков «брюха Петербурга». «Трудно жить в Петербурге – дышать нечем; на улицах висит сизоватая пелена каких-то промозглых испарений, начинает пахнуть, даже на лучших улицах, навозом»³, – констатировал современник.

К этому следует добавить беспокоящие звуки ночного города, загрязнённость водопроводной воды и перегруженность канализационных стоков, отсутствие зелёных насаждений и дефицит солнечного света во дворах-колодцах больницы, перестроенной из двух зданий изначально немедицинского предназначения. «Одна сторона дела озбочивала и продолжает озбочивать Правление б<ольни>цы – это состояние самого здания <...>. Перестроенная из здания бывшего Архива Государственного кон-

³ Минцов С. П. Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 76.

¹ Окончание. Начало см. №№ 1 (17) и 2 (18) «Топонимического альманаха» за 2023 г.

² Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: энциклопед. справочник / гл. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1992. С. 417.

троля, б<ольни>ца, несмотря на многократные перестройки, не может быть приспособлена к современным требованиям детской больницы, и даже если бы нашлись средства для капитальной перестройки <...>, недостаток места, положение б<ольни>цы в скученной торговой части города представляют неразрешимую дилемму, единственным выходом из которой явилась бы, быть может, продажа современного здания б<ольни>цы и постройка новой <в> наиболее подходящем месте; это – задача будущего и это – мечта Правления б<ольни>цы»⁴.

Медицинское сообщество сознавало негативные последствия пребывания больных детей в неблагополучных в санитарном отношении «городских человекниках».

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) отложились коммерческие предложения со схемами расположения земельных участков под размещение или новое строительство в разных частях города. Прежде всего, Правление больницы при выборе территории учитывало возможное расположение детского заведения в самой бурно растущей части города – на Петроградской стороне, и её транспортную доступность. Ко времени окончания строительства нового здания больницы (1916) Аптекарский остров соединяли с другими городскими кварталами семь постоянных мостов, один перевоз на месте плашкоутного моста и один из самых протяжённых тогда проспектов столицы – Каменноостровский.

В начале XX в. в Петербурге функционировало более десятка стационарных и амбулаторных педиатрических учреждений. Однако, как водится, увеличение коечного фонда не успевало за ростом населения. «Несмотря

⁴ Отчёт СПб. Николаевской детской больницы В.У.И.М. за 1910 год / сост. врачами больницы под общ. ред. директора и гл. врача Н. К. Вяжлинского. СПб., 1911. С. 4.

на то, что истекшее пятилетие (1906–1910 гг. – Авт.) совпало с началом деятельности новой Городской Коронационной больницы, открывшей для болеющего детского петербургского населения более 800 кроватей, это обстоятельство почти совсем не отразилось на числе больничных дней нашей б<ольни>цы»⁵. К тому же упомянутая Детская городская больница в память Священного коронования Их Императорских Величеств (Николая II и Александры Фёдоровны) располагалась на Выборгской стороне, следовательно, была труднодоступна населению южных окраин города.

Выбор Аптекарского острова для третьего местонахождения лечебницы оказался не просто оптимальным вариантом в территориальном, экологическом, финансовом отношении. Он стал и самым устойчивым в культурно-антропологической концепте «Genius Loci»⁶. Семь островов в северной части дельты Невы, составлявших Петербургскую сторону, являлись колыбелью столицы. При этом почти все историки здравоохранения отмечают и тот факт, что Аптекарский, он же Медицинский остров площадью около 2-х кв. км до начала XX в. оставался своеобразным «зелёным оазисом» в пространстве мегаполиса (впрочем, северо-восточная часть острова была таковой вплоть до середины прошлого века).

Куст медицинских названий на острове изначально связан с деятельностью Медицинской канцелярии Петра I. Здесь были разбиты «Блюментростов огород» (нынешний Лопухинский сад), «аптекарский огород» (впоследствии Ботанический сад), находились «мастерская изба лекарских инструментов» (Казённый завод военно-врачебных заготовлений) и другие ведомства фармации

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Казначеева Т. А. Концепт «Genius Loci» в межкультурном аспекте // Вестник Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2007. Т. 13. № 3. С. 180–184.

Принц А. П. Ольденбургский.
Ок. 1916–1917

И. П. Павлов.
1890

С. В. Павлова.
1895

и аптечного дела. С середины 1710-х до начала 1860-х гг. бытовало название *Аптекарской слободы*. В 1798 г. закрепилось название *Аптекарского моста*, в 1836 г. – *Аптекарского проспекта*⁷, в 1887 г. – *Аптекарской набережной* и *Инструментальной улицы*.

Среди медицинских научно-исследовательских и лечебных учреждений XVIII–XIX вв. на Аптекарском острове особой масштабностью выделялся Императорский институт экспериментальной медицины принца А. П. Ольденбургского (И.И.Э.М.). Его продолжившееся во времени (уже как НИИ экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР) присутствие на острове стало одним из основных аргументов переименования в 1970 г. *Электросварочного проспекта* в *проспект Медиков*.

⁷ Ср.: «Название известно с 1821 г., до 1829 г. – в форме *Аптекарская ул.*» (Большая Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013 [далее: БТЭ]. С. 62). – Ред.

Академик И. П. Павлов и лейб-педиатр Н. К. Вяжлинский

Детальное изучение документального и эпистолярного наследия позволило выявить ещё один феномен Аптекарского острова. Участок, избранный для строительства детской больницы, с северной стороны граничил с территорией И.И.Э.М., организованного на личные средства принца и освящённого 8(21) декабря 1890 г.

Для обустройства уникального научно-исследовательского центра его основатель и бессменный благотворитель в течение 1890–1895 гг. постепенно выкупал земельные участки с каменными и деревянными постройками, расположенными по обе стороны *Лопухинской улицы* (с 1934 г. *улица Академика Павлова*) вплоть до берега Малой Невки. В итоге территория И.И.Э.М. стала простираться от Каменноостровского проспекта до болотистых низин «*Алфёровских огородов*» Аптекарского острова.

Среди прочих достоинств и талантов принца А. П. Ольденбургский обладал умением

находить и поддерживать талантливых профессионалов. Именно по его приглашению Физиологический отдел института в 1890 г. возглавил доктор Иван Петрович Павлов (1849–1936), занимавший этот пост вплоть до конца жизни. Здесь он выполнил свои основные исследования по пищеварению и условным рефлексам, благодаря которым в 1904 г. стал первым российским учёным – лауреатом Нобелевской премии.

Закономерно, что возглавивший в 1900 г. Николаевскую детскую больницу доктор Н. К. Вяжлинский в поисках нового места для её расположения осознавал пользу соседства с крупнейшим научно-исследовательским медико-биологическим институтом России. Genius Loci Аптекарского острова соединил в одном пространстве достижения экспериментальной медицины, выведшей Россию в лидеры мировой науки, и педиатрической практики.

Не в последнюю очередь имели значение и личные отношения академика И. П. Павлова и лейб-педиатра Н. К. Вяжлинского, в прошлом – однокурсников по Императорской медико-хирургической академии. Из мемуаров Серафимы Васильевны Павловой (урожд. Карчевской; 1859–1947), жены И. П. Павлова, можно узнать, что их связывала не только большая личная дружба. На протяжении многих лет Н. К. Вяжлинский был тем, кому И. П. Павлов доверял наблюдение и лечение своих детей, а друзьям и знакомым рекомендовал именно его в качестве семейного детского врача⁸.

⁸ См.: Павлова С. В. Из воспоминаний // И. П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России: [в 3 т.] Т. 2. Павлов без ретуши. Мемуары С. В. Павловой, А. Ф. Павлова, М. К. Петровой / изд. подгот.: А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, Э. А. Космачевская и др. СПб., 2004. С. 189, 190, 201, 202, 217, 220.

Начало «Аптекарского периода»: 1912 г.

Общее состояние и развитие системы здравоохранения в России конца XIX – начала XX вв. переживали своего рода «реформацию», что проявилось в пересмотре в 1905 г. «Устава врачебного». Его статья 280 «Об управлении больничных заведений» гласила: «*Больничные заведения, по ведомству их, разделяются на: 1) на больницы, под Высочайшим покровительством состоящие; 2) на больницы ведомства Министерства внутренних дел и 3) на врачебные заведения Военно-сухопутного, Военно-морского и других ведомств.*

*Примечание 1. Устройство и управление больниц, под Высочайшим покровительством состоящих, определяется особыми уставами и положениями*⁹.

Это положение и приложения к новой редакции «Устава» определили место Николаевской детской больницы в системе государственного управления медицинской деятельностью.

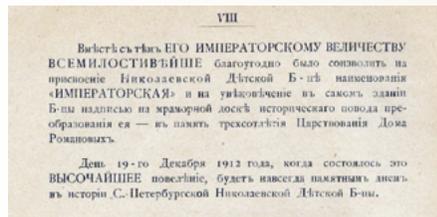
Используя наличие собственного Устава благотворительного медицинского учреждения, утверждённого императорами Николаем I, Александром II и Александром III, главный врач-директор Н. К. Вяжлинский обратился за поддержкой к Императорскому Двору через главноуправляющего В.У.И.М. князя А. А. Ливена и почётного опекуна Опекунского совета В.У.И.М., попечителя Николаевской детской больницы обер-егермейстера П. П. Голенищева-Кутузова-Толстого. В результате поданных прошений в преддверии празднования 300-летия царствования Дома Романовых, весной 1912 г. при В.У.И.М. было создано «Особое Сопровождающее» по разрешению проблем, связанных с пребы-

⁹ О больничных заведениях // Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 гг., и законения по врачебно-санитарной части, дополненные постановками разьяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л. А. Колычев. Пг., [1915]. С. 90.

ванием больницы на Большой Подъяческой улице.

Окончательное решение о дислокации учреждения «общественного здоровья» приняли благодаря покровительству и инициативе великой княгини Ксении Александровны, младшей сестры Николая II. Большинство исследователей истории русской благотворительности оставляют без внимания факт её назначения в августе 1914 г. почётной покровительницей больницы вместо посла Российской Империи в Греции Е. П. Демидова, князя Сан-Донато¹⁰.

На девятом заседании «Особого Сопровождающего» 19 декабря 1912 г. было оглашено монаршее повеление разрешить Николаевской детской больнице смену местоположения и присвоить ей именование *Императорская*.

Повеление императора Николая II. 1912

Вслед за этим в «Правительственном вестнике» было опубликовано Высочайшее повеление «предоставить в Императорской С.-Петербургской Николаевской детской больнице 10 кроватей для бесплатного лечения детей <...> недостаточных служащих правительственных учреждений <...> с тем, чтобы кроватям этим было присвоено наименование «учреждённых

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 758. О сложении звания почётного попечителя больницы с егермейстера Двора Е.И.В. Демидова Е. П. и возложении этого звания на Вел<ику> Кн<ягиню> Ксению Александровну.

в память 300-летия Царствования Дома Романовых»¹¹.

Утверждение председателем Совета министров графом В. Н. Кокцовым «Правил приёма в Императорскую С.-Петербургскую Николаевскую детскую больницу на учреждённые в память 300-летия Царствования Дома Романовых кровати»¹² последовало 7 августа 1913 г. с конкретным указанием использования 3650 больничных дней для означенных пациентов.

Устройство Императорской Николаевской детской больницы: 1913 г.

В Императорском указе конкретно обозначено новое местонахождение педиатрического комплекса – «участок земли на Аптекарском острове <...> из владений, принадлежащих потомственному почётному гражданину Алфёрову», то есть на Т-образном переулочке Вологодской (с 1939 г. Чапыгина) и Уфимской улиц.

Купец I-й гильдии, банкир Ф. А. Алфёров в течение 1889–1917 гг. превратил северо-восточную часть Аптекарского острова в источник хорошего дохода, скупая дачные угодья и родовые дворянские усадьбы с последующей выгодной перепродажей под доходные дома и высокотехнологичное промышленное производство. Так, едва успев получить «огромный участок Анны Ивановны Евреиновой, он обратился в Городскую управу, а та в свою очередь – в <Городскую> Думу, с проектом разделения обширного владения на 52 участка для распродажи их частным лицам. После выполнения этого плана были проложены четыре новые улицы <...>: от Каменноостровского проспекта параллельно Песочной улице – Вологодская и Пермская, а перпендикулярно к ним, поперёк участка

¹¹ Правительственный вестник. 1913. 21 февр. № 43.

¹² Там же. 1913. 16 сент. № 223.

Алфёрова – Вятская и Уфимская»¹³. Городская дума утвердила данную «топонимическую инициативу» 20 сентября 1900 г. Вместо неофициальных названий наподобие «Алфёровских огородов» или «Дворов Алфёрова» появилась узаконенная улично-дорожная сеть. Правда, на современном Аптекарском острове вокруг детской больницы из двух десятков исторических топонимов сохранились только пять – Каменноостровский проспект, Лопухинский сад, Аптекарский проспект, Инструментальная и Уфимская улицы.

Подробности приобретения участка и оформления права собственности на землю и возводимые на ней строения отложились в документах ЦГИА СПб. Но прежде «для определения правовой природы медицинской организации необходимо коснуться такой категории, как правосубъектность, берущая свое начало с XIX в.»¹⁴.

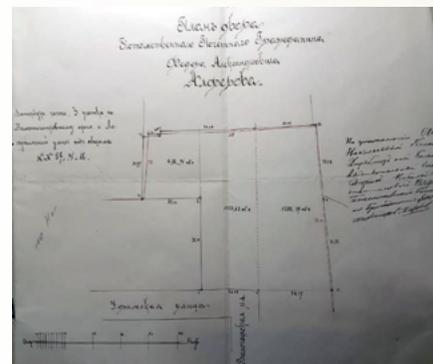
Детская больница как юридическое лицо оставалась самостоятельным субъектом под патронатом Императорского Дома до 1917 г.¹⁵ Финансирование больницы в основной части бюджета шло за счёт благотворительных взносов, пожертвований и оказания платных услуг. Управлялось заведение Комитетом (Правлением), «выбираемым из известных лиц дворянства, духовенства, врачей и купечества». Члены Правления вместе с потомственными, почёт-

ными и особыми попечителями (почётными опекунами из В.У.И.М.) составляли Попечительский Совет. Согласно уставным документам, в больнице должен был неукоснительно соблюдаться принцип единоначалия, совмещённый со строгой дисциплиной. «Ближайшее заведывание административной и медицинской частями больницы возлагается на её директора, он же главный врач. <...> Директор, имеющий в своём распоряжении всех прочих служащих при заведении, обязан: а) направлять занятие всех лиц по административной, хозяйственной и медицинской частям посредством соответственных кому следует указаний, и б) наблюдать за точным исполнением ими своих обязанностей»¹⁶.

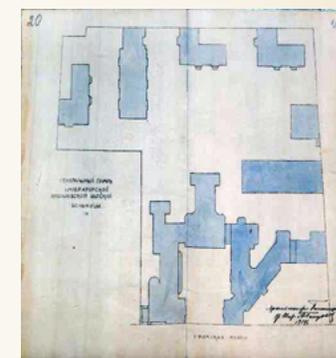
После получения Императорского согласия на продажу земли и имущества на Спасском острове, а также согласования условий кредита В.У.И.М., сделка с владельцем земли была оформлена практически незамедлительно.

Ф. А. Алфёров и Н. К. Вяжлинский, «действующий по уполномочию С.-Петербургской Николаевской детской больницы, <...> заключили настоящую запродажную запись в следующем: 1) Фёдор Александрович Алфёров запродавал из принадлежащего ему недвижимого имущества, состоящего в С.-Петербурге, Петербургской части, третьего участка по Каменноостровскому проспекту и Лопухинской улице под №№: по табели 1874 года – 1171 лит. Б и полицейскими №№ 57, 14 и 16, С.-Петербургской Николаевской детской больнице примерно две тысячи девятьсот пятьдесят квадратных сажен, заключающиеся в участке, показанном на плане, сторонами подписанном. <...> 2) Означенная земля запродаана С.-Петербургской

¹⁶ Томашевский Л. И. Исторический очерк пятидесятилетнего существования С.-Петербургской Николаевской детской больницы (1834–1884). СПб., 1884. С. 28–29.

План двора потомственного почётного гражданина Ф. А. Алфёрова. 1912

А. Г. Голубков.
Генеральный план И.Н.Д.Б. 1914

Николаевской детской больницы за двести тысяч рублей»¹⁷.

Окончательное завершение сделки произошло 15 февраля 1913 г. получением купчей на право владения земельными участками на Аптекарском острове. Удостоверение и скрепление подписями и печатями юридических документов было совершено в «нотариальной конторе Спасской части, в доме С.-Петербургского дворянства по Михайловской улице, д. 2»¹⁸ (ныне здание Большого зала Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича). Исследуя подлинники документов, невольно задаёшься риторическим вопросом: что именно, в данном конкретном случае, национализировало правительство Союза коммун Северной области в 1918 г.?

Архитектор А. Г. Голубков и доктор медицины Н. К. Вяжлинский

После покупки земли началось проектирование больничного комплекса. Воплотил программу Н. К. Вяжлинского штатный архитектор

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 737. Купчие крепости на продажу купцом Алфёровым Ф. А. участка земли для нужд больницы в 3-м участке Петербургской части по Вологодской, Уфимской и Лопухинской улицам и Каменноостровскому пр., №№ 14, 16, 57. Л. 1–9.

¹⁸ Там же. Л. 6.

Николаевской детской больницы с 1905 г., коллежский секретарь А. Г. Голубков¹⁹ – ученик академика архитектуры Д. И. Гримма по Институту гражданских инженеров им. Императора Николая I (И.Г.И.). В профессиональных кругах он был известен как автор проекта перестройки зданий Городского кредитного общества, начальник архитектурной дистанции Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, участник проектирования и строительства нового Царскосельского (ныне Витебского) вокзала, открытого 1 августа 1904 г.²⁰

Разметка места для размещения строений и программа оборудования многопрофильного педиатрического комплекса обсуждались на заседаниях Строительно-хозяйственного комитета больницы в составе попечителей, медиков (Н. К. Вяжлинского, Ф. Ф. Газе, Ф. И. Лапчинского и др.), архитекторов (Г. Д. Гримма, штатного А. Г. Голубкова и заштатного Р. Р. Беккера) и приглашённых специалистов в инженерно-строительной и коммунальной сферах. Подобно истории проектирования Детской больницы принца

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 688. О службе архитектора больницы гражданского инженера Голубкова А. Г.

²⁰ История железнодорожного транспорта России: [в 2 т.]. Т. 1. 1836–1917 гг. / под общ. ред. Е. Я. Красковского, М. М. Удина. СПб.; М., 1994. С. 43.

П. А. Ольденбургского, отмеченной содружеством архитектора Ц. А. Кавоса и педиатра К. А. Раухфуса, создание И.Н.Д.Б. можно описать как творческий диалог А. Г. Голубкова и Н. К. Вяжлинского.

Программа Н. К. Вяжлинского предусматривала возведение главного корпуса по красной линии Уфимской улицы и пяти отдельно стоящих павильонов на 120–140 койко-мест в глубине будущего больничного сада-парка. Два основных условия к проектировщику гласили, что «новое здание должно быть устроено без роскоши, однако со всеми удобствами и приспособлениями вполне благоустроенной больницы», и «располагаться в здоровой местности с возможностью расширения её площадей»²¹.

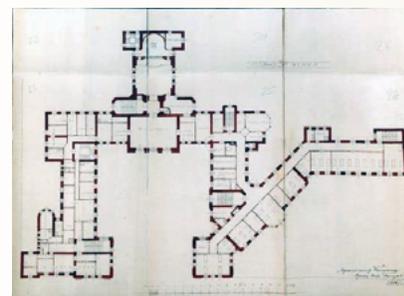
Образцом рационального устройства лечебного заведения для русских проектировщиков выступала Детская больница принца П. А. Ольденбургского, проект которой в 1878 г. получил большую золотую медаль Всемирной выставки в Париже. Лечебница состояла из трёх стационарных отделений, рассчитанных на 200 коек, и отделения для проходящих. «Она явилась примером первой в России специально построенной детской многопрофильной больницы. <...> По своей планировке, внутреннему устройству, обилию света и воздуха она была признана лучшей в Европе. Больница пользовалась огромным авторитетом у зарубежных коллег, специально приезжавших в Петербург, чтобы ознакомиться с её устройством»²² (теперь это Детский городской многопрофильный кли-

нический центр высоких медицинских технологий им. К. А. Раухфуса).

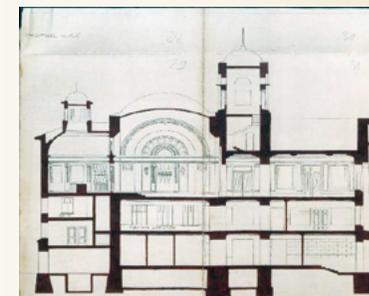
Разработанный А. Г. Голубковым генеральный проект оказался новаторским. В контексте настоящего исследования представляют интерес концептуальные изменения градостроительной роли медицинского учреждения, прошедшие за полвека от времени строительства Детской больницы принца П. А. Ольденбургского до возведения И.Н.Д.Б. Прежде всего, диаметрально противоположным является сам подход к выбору месторасположения обеих лечебниц. Первая возводилась на набережной Лиговского канала, по восточную сторону от которого начинался район Рощинских (с 1923 г. Советских) улиц, населённый с 1860-х гг. преимущественно бедными чиновниками, купцами, ремесленниками, мещанами и отставными военными. Исторический район Песков находился в непосредственной близости от Николаевской (теперь Московского) вокзала, а участок больницы располагался между Знаменской (с 1918 г. Восстания) и Греческой площадями. Парадный фасад главного здания «является основным градостроительным акцентом комплекса. Симметричное в плане 3-этажное <...> здание расположено с отступом от красной линии Лиговского пр<оспекта>, от которой его отделяет сквер. Здание кирпичное оштукатуренное, решено в стиле эклектика. Функционально-планировочная организация коридорного типа. Палаты расположены со стороны внутреннего двора. <...> При установлении предмета охраны также важно учитывать градостроительное значение и окружение объекта, формирование объектом перспективы от Греческой пл<ощади>. в сторону пл<ощади> Восстания, целостный кварталный характер комплекса, особенности городской среды, воспринимаемой

²¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 81. Д. 2.12. Собственная Е.И.В. Канцелярия по учреждениям Имп. Марии. Дело о постройке новых зданий Николаевской детской больницы, 1913–1914.

²² Вениаминова Г. Н., Инденбом С. П. История Детской больницы принца Петра Ольденбургского и её место в развитии детского здравоохранения России // Ольденбургские: во благо России: сб. ст. / сост. Э. А. Анненкова. СПб., 2018. С. 216–235.

А. Г. Голубков. План 3-го этажа главного корпуса больницы. 1914

А. Г. Голубков. Разрез по линии А–Б главного корпуса больницы. 1914

с главного корпуса и пр.»²³. При всей корявости авторского текста, понятны место и значение больницы для формирования исторической среды в непрезентабельной Рощинской части. Для предотвращения распространения опасных инфекционных заболеваний был построен отдельно стоящий корпус с отделениями дифтерита и скарлатины и палатами для больных корью и оспой. При дальнейших перестройках больницы его соединили с основным зданием, а позднее прекратили приём инфекционных больных из-за невозможности обеспечить безопасность пациентов и персонала в стеснённом пространстве больничного участка.

Заведение же на Аптекарском острове проектировалось А. Г. Голубковым с учётом достижений педиатрии, микробиологии и больничного строительства начала XX в. Принципы размещения корпусов радикально отличались от тех, которыми руководствовался Ц. А. Кавос. Ко времени приобретения И.Н.Д.Б. собственной земли на Аптекарском острове эти городские территории только начинали застраиваться и представляли собой своеобразную рекреационную зону. Созданные А. Г. Голубковым эскизные

²³ Михайлов А. В. Определение предметов охраны для объектов культурного наследия на примере больничных комплексов Санкт-Петербурга // Вестник Томск. гос. архит.-строит. ун-та. 2019. Т. 21. № 3. С. 20–37.

проекты демонстрируют максимально продуманное использование участка.

Пространственная структура больничного комплекса соответствовала типовым разработкам павильонной застройки, произведённым военным инженером, экстраординарным профессором Николаевской инженерной академии Э. Ф. Мельцером, специалистом по больничному проектированию и строительству, в содружестве с блестящим петербургским педиатром Д. А. Соколовым²⁴.

А. Г. Голубков и Н. К. Вяжлинский, несомненно, опирались в расчётах размещения павильонов на академический опыт

²⁴ Дмитрий Александрович Соколов (1861–1915) – выпускник Императорской Военно-медицинской академии (1885), доктор медицины (1888), действительный статский советник. Один из основоположников петербургской педиатрической школы, основатель и ординарный профессор кафедры детских болезней Санкт-Петербургского Женского медицинского института (1900), почётный лейб-педиатр Императорского Двора. Один из основателей и первый главный врач Детской городской больницы в память Священного коронования Их Императорских Величеств (1902–1908) – будущего Ленинградского педиатрического медицинского института; один из организаторов благотворительной организации для детей и кормящих матерей «Капля молока» (1905); один из учредителей, а затем член совета Союза борьбы с детской смертностью в России (1911). Основатель и главный редактор журнала «Педиатрия» (1911–1914) (см.: К 75-летию Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии, 1925–2000: Биографии. СПб., 2000).

А. Г. Голубков. Фасад главного корпуса и ограда больницы. Эскизный проект. 1914

Э. Ф. Мельцера, в 1906–1914 гг. выпустившего девять отдельных изданий и статей по устройству больниц²⁵. В итоге, будущие сооружения четко зонировались по принципу расположения инфекционных и неинфекционных участков, отделений и боксов. По заключению инспекции по медицинской части В.У.И.М., «общее распределение участков территории больницы на заразную и чистую, размещение павильонов между собой, ориентировка их и постановка административного корпуса вполне удовлетворительно»²⁶. Подобное зонирование определило в дальнейшем (1918–1936) переоборудование многопрофильной больницы в специализированную инфекционную детскую больницу.

²⁵ См.: Мельцер Э. Ф. Значение типа больничных построек и их планировки в борьбе с заразными болезнями / предисл. Д. А. Соколова. СПб., 1909;

Он же. Влияние заразных болезней на планировку и взаимное размещение больничных построек: доклад, читанный в заседании IV Съезда рус. зодчих, 5 янв. 1911 г. в С.-Петербурге. СПб., 1911;

Он же. Индивидуальное изолирование как основной принцип больничного строительства и его осуществление [2-е изд.]. СПб., 1913, и др.

²⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 81. Д. 2.12. Л. 2.

Необходимость создания индивидуальных изоляторов для инфекционных больных была обоснована Д. А. Соколовым в начале века²⁷. В 1909 г. по его заказу Э. Ф. Мельцер впервые построил изоляционный бокс для детского барака Петропавловской больницы²⁸.

Н. К. Вяжлинский и А. Г. Голубков оценили значение изоляционно-диагностических боксов для сохранения здоровья пациентов детской больницы и спроектировали их в одноэтажном парковом павильоне. До наших дней в Петербурге сохранилось лишь несколько подобных боксов для приёма и изоляции детей с сомнительным диагнозом заразной болезни или со смешанной инфекцией. Два из них находятся в Центре восстановительного лечения (ЦВЛ) «Детская психиатрия» им. С. С. Мнухина, размещившемся в историческом комплексе И.Н.Д.Б. Харак-

²⁷ См.: Соколов Д. А. Значение индивидуальной изоляции в борьбе с внутрибольничными инфекциями: доклад на Первом Всероссий. съезде дет. врачей в СПб. 27/XII 12. СПб., 1913.

²⁸ Сергеева К. М. Верность традициям в науке и клинической практике через годы XX столетия на кафедре педиатрии // Уч. зап. Первого СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2000. № 4. С. 7–13.

терные особенности таких боксов – автономные входы с улицы и шлюзы, сообщающиеся со служебным коридором. Отдельные входы с тамбурами и внутренними шлюзами (предбоксниками) были разделены остеклёнными дверями и смотровыми окнами. Каждый бокс имел санитарный узел, ванную и необходимое оборудование для обслуживания пациентов.

Редакция журнала «Зодчий», обязанная публиковать правительственные распоряжения, касающиеся вопросов строительного искусства и городского благоустройства, 13 января 1913 г. поместила извещение о поощрении архитектора за составленный проект: «Высочайшие награды Собственной Его Императорского Величества канцелярии по Ведомству учреждений Императрицы Марии. Награждаются орденами: <...> Св. Анны 3-й степени архитектор петербургской Николаевской детской больницы <...> Алексей Голубков»²⁹.

В сентябре 1913 г. А. Г. Голубков представил проект больницы на рассмотрение Строительно-хозяйственного комитета. Его члены, с учётом мнений медицинского сообщества и медицинской инспекции В.У.И.М., утвердили авторское решение и постановили не проводить конкурс на проектирование больницы, как это предполагалось ранее. Реакция профессионального архитектурного сообщества оказалась ожидаемой. Либерально ориентированная редакция «Зодчего» полностью бойкотировала проект и возведение лечебного комплекса на Аптекарском острове по причине того, что проект не проходил конкурсную процедуру, которую контролировали академики архитектуры. В результате для современников и последующих исследователей остались неизвестны описание и фотографии внутреннего устройства больницы, в том числе оборудование палат, операционной, аптеки, лабораторий,

²⁹ Зодчий. 1913. Вып. 2. С. 23.

молочной кухни и других служебных помещений. В общественном доступе отсутствовали визуальные образы декора парадных залов главного корпуса и даже убранства домовой церкви детской больницы.

Строительная история больничного городка: 1914–1916 гг.

Перипетии строительства И.Н.Д.Б. описаны в статьях, опубликованных в профильных изданиях по истории культуры³⁰ и здравоохранения³¹. Официальным адресом строительной площадки был участок № 13 по Вологодской улице. Работы начались в июне 1914 г., закладка главного здания произведена 18 сентября того же года. В связи с тем, что А. Г. Голубков в 1915 г. был мобилизован³², архитектурно-строительный надзор за исполнением проекта заканчивал его помощник – выпускник И.Г.И. архитектор Н. А. Черногоров³³. Весь комплекс, несмотря на разгоревшуюся во всю силу Великую войну, оказался возведён за 2,5 года.

В журнале Строительного комитета сохранились протоколы заседаний, свидетельствующие о трудностях возведения больницы, которые были осложнены дефицитом финансирования и ростом цен на материалы в условиях военного времени. Контролёр В.У.И.М. неоднократно поднимал вопрос о сокращении расходов на строительство, отделку и осна-

³⁰ Шмелёва О. А. Николаевская детская больница // Памятники истории и культуры Петербурга: исследования и материалы. Вып. 4 / под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1997. С. 282–291.

³¹ Ершова В. С., Колесин А. Н. Строительная история Императорской Николаевской детской больницы // XX Мнухинские чтения: юбил. науч. конф. с международным участием «Детская психиатрия: история и современность», 24 марта 2023 г.: сб. материалов конф. (ст. и тезисы) / под общ. ред. М. В. Романовской, Ю. А. Фесенко. СПб., 2023. С. 65–77.

³² ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 688.

³³ См.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 322.

шение зданий больницы. Представитель Главного управления В.У.И.М., «чиновник особых поручений при главноуправляющем» барон Р. Р. фон Мирбах «возбудил вопрос: можно ли вообще разместить на данном участке все те постройки, которые имеются в виду, согласно выработанного проекта программы, и достаточны ли намеченные архитектором разрывы между отдельными зданиями. Вместе с сим, барон Р. Р. фон Мирбах высказался за уменьшение площади, отводимой под помещения для администрации больницы, и предложил совершенно исключить из проекта: зал заседаний и намеченные два кабинета: для Попечителя больницы и его помощника, канцелярию же и контору соединить вместе, отведя для них, вместе с кабинетом директора больницы, 10 кв. саж<е-ней>»³⁴. Возражая против этих предложений, Н. К. Вяжлинский отстаивал концептуальную значимость больницы как благотворительной детской лечебницы и очага лечебной педагогики: «Зал заседаний, который в интересах больницы может быть использован и для иных целей, также необходим. Необходимо, по его мнению, кабинет Попечителя больницы, другой же кабинет – для размещения в нём библиотеки больницы»³⁵.

Среди сторонников Н. К. Вяжлинского, воплотивших «платонические мечтания» отечественных педиатров, особое место занимает военный инженер и строительный подрядчик Николай Васильевич Смирнов. Историки архитектуры и градостроения, восстанавливая историческую справедливость, отмечали тот факт, что выигравший подряд на строительство детской больницы генерал-майор в отставке Н. В. Смирнов не просто выполнял заказ Строительно-хозяйственного комитета больницы. Протоколы и стенограммы его заседаний безусловно

подтверждают: он прекрасно понимал, что участвует в возведении Императорского архитектурного ансамбля. В параллельную реальность, которую впоследствии усиленно выстраивали атеистические идеологи, личность создавшего немало общественных зданий и доходных домов в Петербурге в качестве архитектора и строительного подрядчика – не вписывалась. А ведь он перестраивал Мариинский театр, построил Дом Офицерского собрания, первый камень которого заложил император Николай II, участвовал в строительстве Великокняжеской усыпальницы Петропавловского собора, Университета, Ботанического сада, зданий различных властных структур и электростанции на Васильевском острове³⁶.

«Грандиозное здание» детской больницы стало последним приношением Н. В. Смирнова родному городу³⁷.

Несмотря на тяготы и треволения военного времени, врачу, архитектору и строительному подрядчику удалось возвести медицинский комплекс, украсивший столицу Империи. Строительство главного здания и четырёх лечебных павильонов завершилось 15 октября 1916 г. Значительную часть территории занимал обустроенный тогда же ландшафтный парк-сад, получивший элементы регулярной пейзажной планировки газонов, кустарников в живых изгородях и отдельных группах. Здесь были высажены липы, дубы, клёны, вязы, ясени, ольха, вишни, яблони.

Комплекс зданий И.Н.Д.Б. отражал один из ранних этапов формирования застройки северо-восточной оконечности Аптекарского острова. Размер участка и его конфигу-

³⁶ См.: Петрущенко В. А. Очерки по истории теплоэнергетики. Ч. 2. Электростанция инженера Н. В. Смирнова на 12-й линии Васильевского острова. СПб., 2020 (включает ранее неизвестные фотографии Н. В. Смирнова).

³⁷ Кирикова Л. А., Кириков Б. М. Забытое имя: О строит.-архит. деятельности Н. В. Смирнова (1851–1925) // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 1994. С. 266.

Перспектива Вологодской улицы.
1950-е гг.

Перспектива Уфимской улицы.
1950-е гг.

рация во многом определили объёмно-пространственное решение больничного комплекса, и в первую очередь главного здания. В его архитектуре соединились черты неоклассицизма и рационального модерна. Центральный корпус с курдонёром (углублённым парадным двором) и башенкой-звонницей домовая церковь играл значительную градостроительную роль, доминируя в окружающей застройке и завершая визуальную перспективу, открывавшуюся от Каменноостровского проспекта по оси Вологодской улицы³⁸. Цветовое оформление фасадов А. Г. Голубков решил в классицистическом стиле: стены окрашены в светлую охру, декоративные элементы – в белый цвет. Благодаря этому подчёркивалась архитектурная значимость больничного ансамбля. Без сомнения, комплекс «детской больницы обладал единым архитектурным стилем и являлся яркими примером ансамблевого мышления архитектора А. Г. Голубкова»³⁹.

Императорская Николаевская детская больница и больничный храм Николая Чудотворца обрели значение самостоятельной архитектурно-ландшафтной доми-

³⁸ См.: Императорская Николаевская детская больница // http://www.teoc.ru/object/obekty-kgiop/imperatorskaya_nikolaevskaya_detskaya_bolnitsa.

³⁹ Еришова В. С., Колесин А. Н. Указ. соч. С. 74.

нанты местности. Главное здание медицинского городка, над которым возвышалась церковная колокольня, до 1960-х гг. оставалось знаково-семантическим центром северо-восточной части Аптекарского острова. «Комплекс построек Императорской Николаевской детской больницы обладает несомненной исторической ценностью, выражающейся в едином архитектурно-стилевом решении. Это комплекс больничных построек второго десятилетия XX в., в архитектуре которого соединены черты двух стилей – неоклассицизма (лицевой фасад) и оформления интерьера главного здания) и рационального модерна (дворовые фасады главного здания и лечебные павильоны). Главное здание играет значительную градостроительную роль, замыкая перспективу <Вологодской> улицы и просматриваясь с большого расстояния»⁴⁰.

По мере возведения комплекса главный врач и Правление больницы занимались расширением её функций в новой городской среде⁴¹ и предполагали дальнейшее расши-

⁴⁰ Шмелёва О. А. Указ. соч. С. 288–289.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 775. Переписка Попечителя больницы с Собственной Е.И.В. канцелярией по учреждениям Имп. Марии об открытии в новом здании больницы на Аптекарском острове аптеки для свободной продажи лекарств.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 753. Журналы заседаний Строительного комитета. Л. 3–5.

³⁵ Там же.

рение территории в сторону промышленной зоны между *Песочной* (с 1940 г. *Профессора Попова*) и *Лопухинской* (с 1934 г. *Академика Павлова*) улицами. На этих топких землях, регулярно заливаемых во время невыходов наводнений, располагались два десятка корпусов электромеханического производства. Завод, открытый в 1896 г., спустя пять лет был реорганизован в «Акционерное общество электромеханических сооружений, бывшее товарищество Дюфлон, Константинович и С^о» («ДЕКА») и в преддверии Великой войны активно осваивал восточные низины Аптекарского острова. Внутриквартальный проезд завода даже имел собственное название – упоминавшийся выше *Электросварочный проспект*, зафиксированный на карте Ленинграда 1939 г.⁴³ (нынешний *проспект Медиков*)⁴⁴.

Соседями больницы с севера были Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов («РОБТиТ»), с северо-востока – уже известный нам И.И.Э.М.

Храмоздательство⁴⁵ Императорской Николаевской детской больницы

...не здоровые имеют нужду во враче, но больные.

Лк. 5:31

Приобретение участка на Аптекарском острове и строительство больничного комплекса ознаменовалось возведением двусветного домового храма Святителя Николая Чудотворца на 100 молящихся и двух отдельных часовен, примыкавших к главному зданию больницы у северных ворот.

Главный врач и директор больницы, посвятивший всю свою жизнь служению медицине и воплощению мечты о создании медицинского учреждения, достойного именованию *Императорского*, последовательно доказывал безусловность возведения больничной церкви. Ещё в 1912 г. Н. К. Вяжлинский имел договорённость о получении средств на строительство храма и неразглашении имени благодетеля до определённого времени. Ему пришлось отстаивать эти деньги от поползновений чиновников Надзорного управления В.У.И.М. «В постройке церкви при больнице барон фон Мирбах также не усматривает необходимости, так как доходность её, по его мнению, весьма гадательна, а в то же время таковая

⁴⁵ См.: «В России на протяжении столетий было хорошо известно и понятно слово, пришедшее из Греции – “храмоздательство”. Оно означало строительство храмов или заботу об их благосостоянии. Одновременно в бытовой слогарь русского языка вошло понятие “храмоздатель”. Таковым именовался человек, который прилагал личные организаторские способности или личные средства для создания, строительства и благоустройства храма, а также возводил церковь с прибавлением возможной помощи со стороны других благодетелей» (Промова А. В. *Храмоздательская деятельность великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Фёдоровны в России и на Святой Земле в 1884–1907 гг.* // История. 2021. Т. 12. Вып. 2 (100). С. 1).

отнимет много места». Однако «директор больницы Н. К. Вяжлинский заявил, что необходимость в устройстве церкви при больнице настолько существенна, что отказываться от её постройки никоим образом нельзя, тем более что она строится на жертвуемые деньги»⁴⁶. Н. К. Вяжлинского поддержал заместитель председателя Строительного комитета, егермейстер Императорского Двора В. А. Шателен, принципиально возразив: «Принимая во внимание, что церковь строится на жертвуемые деньги, В. А. Шателен находит, что отказываться от её постройки, при таких условиях, не приходится. Если не видно необходимости в устройстве при церкви зала для заседаний, то помещение это можно наименовать иначе и устроить его в другом каком либо месте, чтобы использовать в интересах больницы, хотя бы в виде аудитории или зала для применения физических методов лечения»⁴⁷.

Больничный храм, как место духовного выздоровления пациентов и символ высокого общественного служения детских врачей, был построен на средства потомственного почётного гражданина Семёна Григорьевича Раменского (1841 – после 1917)⁴⁸ – купца 1-й гильдии, банкира, филантропа, известного тем, что в 1900 г. он пожертвовал отцу Иоанну Кронштадтскому участок земли стоимостью 400 000 рублей⁴⁹ на Песочной улице Аптекарского острова под строительство Свято-Иоанновского женского монастыря.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 753. Л. 3-3 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 760. Документы о постройке при больнице церкви Св. Николая Чудотворца на пожертвования потомственного почётного гражданина Раменского С. Г. Л. 8–10.

⁴⁹ По сопоставительному курсу на 2024 г. они составляют 650.692.000 руб. (см.: Конвертер (преобразователь) денежных единиц из древних единиц измерения в современные // https://drevlit.ru/converter_money.html).

Имя храмоздателя больничной церкви было объявлено на заседании Строительного комитета 19 декабря 1913 г. «Председатель комитета сообщил, что С. Г. Раменский изъявил желание пожертвовать на постройку церкви больницы 30.000 рублей⁵⁰ и принять на себя расходы по внутренней её отделке. По предложению председателя комитета постановлено: благодарить С. Г. Раменского от имени комитета за щедрое пожертвование и просить его принять участие в заседаниях Строительного комитета»⁵¹.

Помимо денежного вклада на строительные работы, С. Г. Раменский оплатил расходы по установке одноярусного позолоченного иконостаса в стиле александровского времени, приобрёл церковную утварь и облачения у московского Торгово-промышленного товарищества «П. И. Оловянишникова сыновья К^о» на сумму 10 тысяч рублей⁵². Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна выразила жертвователю благодарность от имени «Августейшего Её Императорского Величества». Государь император по представлению главноуправляющего В.У.И.М. 31 декабря 1915 г. «соизволил пожаловать ко дню наступающего Нового года потомственному почётному гражданину Семёну Раменскому во внимание к выдающейся благотворительной деятельности его по Петроградской Николаевской детской больнице чин статского советника, в порядке ст. 292 Устава Службных»⁵³.

С. Г. Раменский не только финансировал создание больничного храма. Сохранилось свидетельство о том, что в дальнейшем

⁵⁰ 30 000 руб. по состоянию на 1912 г. составляют 27.886.800 руб. на 2024 г. (см.: Конвертер...).

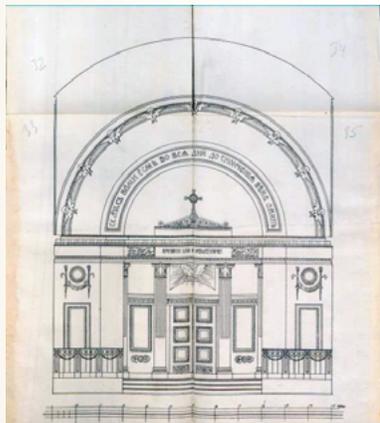
⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 753. Л. 11 об.

⁵² 10 тысяч руб. на тот же 1912 г. составляют 9.295.600 руб. в 2024 г. (см.: Конвертер...).

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 760. Л. 11.

А. Г. Голубков. Фасад главного корпуса больницы. Эскиз. 1914

А. Г. Голубков. Алтарь церкви Св. Николая Чудотворца. Эскиз. 1914

храмоздатель служил ктитором церковной общины⁵⁴.

Третий храмоздатель больничной церкви, архитектор А. Г. Голубков, спроектировал её на третьем этаже центрального корпуса главного здания. Внутренний объём храма представлял собой двусветное помещение, перекрытое парусным сводом, с глубокой алтарной нишей-экседрой. Стены были разделены на два яруса декорированным антаблементом, имели арочную конструкцию и декорировались пилястрами композитного ордера, лепными гирляндами и филёнками. В южной и северной стенах были прорезаны окна, украшенные витражами. На сохранившемся эскизном проекте арки над алтарной преградой помещены слова «Сé, Азъ съ ва́ми ёсмь во вся́ днѣ до скончáнїя вѣка. А́мѣнь»⁵⁵.

Домовая церковь в ландшафте Аптекарского острова выделялась накупольным крестом, крестом на колокольне-звоннице и крестом, венчающем надалтарную главку.

Без осмысления знаково-символической и культурно-семантической сущности храмостроительства в детской больнице невозможно осознать ценность историко-медицинского наследия И.Н.Д.Б. Вертикаль колокольни домового храма Св. Николая Чудотворца перекликалась с высотной доминантой храма Спаса Преображения Господня лейб-гвардии Гренадерского полка, возведённой академиком архитектуры К. А. Тоном в 1840–1845 гг. в восточной части Аптекарского острова. «Расположенная близ Большой Невки церковь должна была входить в число высотных ориентиров, расположившихся вдоль Невы. Ещё при строительстве храма от Песочной улицы к Лопухинской проложили улицу с изломом у церкви. Новую улицу, как и площадь, назвали Церковной (с 1887 года – Инструментальная)»⁵⁶.

«Перекличка» классициста К. А. Тона с неоклассиком А. Г. Голубковым имела продолжение, когда в годы эстонской эмиграции,

⁵⁶ См.: Храм Преображения Господня на Аптекарском острове // <https://cultura-russia.ru/article/hram-preobrazheniya-gospodnya-na-aptekarском-ostrove>.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 760. Л. 5, 11, 14.

⁵⁵ Мф. 28:20.

используя опыт устройства больничной церкви, он создал проект храма Св. Иоанна Предтечи в Таллине. В газетной публикации утверждается, что в архиве этого храма сохранился оригинал первоначального проекта 1922 г. с рисунками фасадов и с размашистой подписью «*Insener-Arch. A. Golubkov*»⁵⁷. Материалы домашнего архива архитектора сохранил его сын А. А. Голубков.

**Воплощение «латонической мечты»:
19 декабря 1916 (1 января 1917) г.**

*Первые шаги деятельности
Больницы начались, казалось,
под счастливой звездой.*

Н. К. Вяжлинский

Протоиерей Иван Острогорский. 1900-е гг.

Репортаж о состоявшемся освящении домового храма напечатан в разделе хроники «Правительственного вестника». В сухом информационном сообщении анонимный автор всё же не смог удержаться от эмоций: «19-го декабря состоялось освящение домового храма во имя Свят<ителя>

⁵⁷ Лившиц Л. «В сердцах нерукотворный храм» // Молодежь Эстонии. 2003. 6 мая.

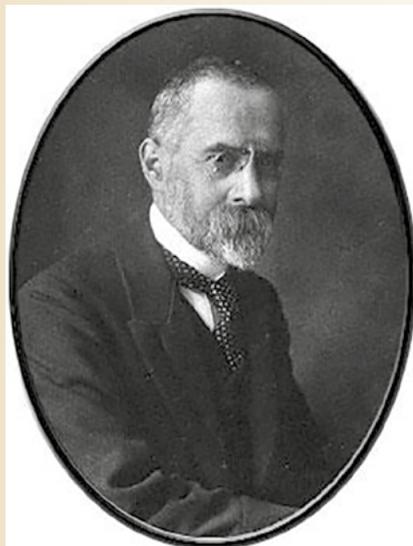
Николая Чудотворца, устроенной при вновь сооружённом грандиозном здании Императорской Николаевской детской больницы <...>. Чин освящения совершал преосвященный Анастасий, епископ

Профессор А. И. Александров.
1898

Епископ Анастасий (Александров).
1916

Ю. А. Иксуль фон Гильденбандт.
1912

Ямбургский, в сослужении: духовника Их Величеств, протоиерея Васильева, настоятеля Петропавловского придворного собора, протоиерея Боголюбова, мест-

ного благочинного, протоиерея Острогорского и друг<ого> духовенства. При освящении храма в нём была совершена первая Божественная литургия, завершившаяся Царским многолетием. На торжестве освящения храма присутствовали: главноуправляющий Собственною Его Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии статс-секретарь Булыгин, попечитель больницы, член Государственного Совета, т<айный> с<о>ветник> барон Иксуль фон Гильденбандт, почётный опекун, шталмейстер Трубников и друг<ие>, а также врачебный персонал больницы во главе с директором её и главным врачом, почётным лейб-педиатром Н. К. Вяжлинским. Церковь помещается в средней части здания в верхнем этаже. Церковь, вместимостью на 100 человек, сооружена на суммы, пожертвованные С. Г. Раменским»⁵⁸.

Хроника помогла воссоздать детальную картину судьбоносного события в истории детской больницы. Как уже отмечалось, именно 19 декабря 1912 г. на заседании «Осо-

⁵⁸ Правительственный вестник. 1916. 20 дек.

А. Г. Булыгин. 1910-е.

А. Н. Трубников. 1903.

бого Сопещения» было объявлено повеление Николая II о смене её местонахождения, решении продать недвижимое имущество на Спасском острове и приобретении земли на Аптекарском. Эта дата и стала точкой отсчёта «Аптекарского периода» истории больницы.

По мере приближения окончания строительства больницы шла интенсивная переписка между канцелярией В.У.И.М. и Синодальным ведомством. О подготовке освящения храма митрополит Питирим сообщил попечителю больницы Ю. А. Иксуль фон Гильденбандту 13 июля 1916 г.: «Вследствие отношения, от 18 марта с. г. за № 79, имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что определением Св. Синода, изложенным в указе оногo от 2 июля с. г. за № 8276, разрешено устройство домово́й церкви во вновь сооружаемом здании Николаевской детской больницы на Аптекарском острове в Петрограде. Препровождая при сём планы на устройство означенной церкви, имею честь присовокупить, что по совершенном окончании устройства она должна быть освидетельствована местным благочинным»⁵⁹.

Автор газетной заметки указал имя «местного благочинного», настоятеля церкви Св. Сампсония Странноприимца, протоиерея Ивана Евграфовича Острогорского (1872–1937). Это позволяет сделать важный вывод о том, что больничная церковь была приписана к Сампсониевскому собору, являвшемуся крупным храмом Выборгской стороны, центром VII-го благочинного столичного округа.

Первым в перечне священнослужителей и государственных чиновников столичного Санкт-Петербурга, принявших участие в торжественном акте, значится владыка Анастасий – он же ранее профессор Дерптского (Юрьевского), Казанского и Харьковского университетов, Казанской духовной ака-

демии, доктор славянской филологии, полиглот и языковед, представитель русской филологической школы в семиотике Александр Иванович Александров (1861–1918), автор первого в России исследования детской речи, положившего начало русской школе логопедии⁶⁰.

Любимым учеником и духовным сыном епископа Анастасия был блестящий студент Петроградской духовной академии Борис Дорофеевич Ярушевич (1891/92–1961), ставший в 1914 г. иеромонахом Николаем; будущий митрополит Крутицкий и Коломенский. Он был назначен первым священником больничного храма и сослужил владыке в числе не названного в хронике «другого духовенства»: «1916 год стал для молодого учёного знаменательным и тем, что наконец-то состоялось его назначение на приходское служение. Указом Высокопреосвященного митрополита Санкт-Петербургского⁶¹ и Ладожского Питирима (Окнова) от 12 декабря 1916 г. иеромонах Николай был назначен настоятелем храма Святителя Николая Чудотворца при Петроградской Николаевской детской больнице на Каменноостровском проспекте⁶², с продолжением преподавательской деятельности в семинарии»⁶³.

Чин освящения и первую Божественную литургию епископу Анастасию помогал совершать пресвитер собора Спаса Нерукотворного образа Зимнего дворца, последний духовник царской семьи, законоучитель цесаревича Алексея, «проповедник трезвости», член-

⁶⁰ Александров А. И. Детская речь // Русский филологический вестник (Варшава). 1883. Т. 10. № 3. С. 86–120; Он же. Наблюдения по патологии речи: отд. оттиск из «Русского филологического вестника». Варшава, 1888.

⁶¹ Ошибка: в действительности, конечно, Петроградского.

⁶² Другая ошибка: правильно: на Вологодской улице.

⁶³ Сурков С. А. Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012. С. 64.

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 760. Л. 13–19.

сотрудник Попечительства о слепых Императрицы Марии Фёдоровны протоиерей Александр Петрович Васильев (1868–1918).

Имя протопресвитера Феодора Александровича Боголюбова (1864–1936) современникам было известно по его многолетней службе в Военно-морском ведомстве, в храмах Грузии, Эстляндии, западных русских провинций. Настоятелем Петропавловского собора в Петропавловской крепости он состоял в 1915–1919 гг.

Обширная переписка Н. К. Вяжлинского с попечителем больницы бароном Юлием Александровичем Иксуль фон Гильденбантом (1853–1918) по всем сложным вопросам строительства объясняет участие последнего в освящении больничного храма. Да и активное участие протестантской общины Петербурга в делах благотворительности обязывало и давало право барону, как главе управления евангелическо-лютеранскими консисториями в России, присутствовать на знаковом событии в истории больницы⁶⁴.

Главноуправляющий В.У.И.М. Александр Григорьевич Булыгин (1851–1919), имевший право личного доклада императору, представлял на освящении больницы покровительницу Ведомства – вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. Как статс-секретарь Государственного Совета и председатель Комитета по организации празднования 300-летия Царствования Дома Романовых он внёс значительный вклад в получение больницей именованием *Императорской*. Значение и роль В.У.И.М. в создании ансамбля Николаевской детской больницы на Аптекарском острове трудно переоценить. Судьбы людей и события, связывающие историю заведения с этим уникальным учреждением сословной

благотворительности, требуют отдельного исследования и ждут своего часа.

Наконец, важной светской персоной, упомянутой в хронике, был член «Особого Сопещения» В.У.И.М. для Николаевской детской больницы, почётный опекун В.У.И.М. по Петербургскому присутствию, член Государственного Совета и Императорского Православного Палестинского общества Александр Николаевич Трубников (1853–1922).

Земные и небесные координаты Императорской Николаевской детской больницы: 1917–2024 гг.

*Всему своё время, и время
всякой вещи под небом: <...>
время молчать, и время говорить.*
Еккл. 3:1–7

Зимой и весной 1917 г. из старых зданий на Большой Подъяческой улице в новый медицинский комплекс переводилось оборудование, устраивались врачебные палаты и служебные помещения. Чтобы обеспечить просушку свежепостроенных корпусов и не простудить в них пациентов, окончательный переезд совершился в тёплое время года – летом 1917 г., а ещё в марте распоряжением Временного правительства больница лишилась именованья *Императорская*.

После революционных переломов февраля и октября 1917 г. судьба И.Н.Д.Б. с крестами православного храма и имперским орлом на фронте главного корпуса была предпрещена. В феврале 1918 г. распоряжением Совета коммун Северной области наименование *Николаевская* было заменено на *Филатовская*. Имперскую символику парадного фасада закрыли, а позже заменили лепной композицией из чаши, обвитой змеей. На фронте Филатовской больницы эмблема появилась не ранее 1922 г., так как «в РСФСР знак «*чаша, обвитая змеей*»,

Эмблема В.У.И.М.
с 1897 г.

был утверждён в качестве общемедицинской эмблемы Революционным правительством» именно в этом году⁶⁵. Тогда же был уволен с должности главного врача-директора доктор Н. К. Вяжлинский.

Пятилетняя история церковного служения в храме при детской больнице (1916–1922) требует отдельного исследования, выходящего за тему данного очерка. Храм

⁶⁵ См.: Грибанов Э. Д. Медицина в символах и эмблемах. М., 1990. С. 76; <https://slonimsmc.by/museum/Histori%20med/Symbol/Chasha%20so%20zmei.htm>.

Курдонёр Детской больницы
им. Н. Ф. Филатова. После 1922

ИМПЕРАТОРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА

Символика на фасаде главного корпуса больницы.
Реконструкция эскиза 1914 г.

закрывался на несколько месяцев в 1918 г. во исполнение декрета Совета комиссаров Союза коммун Северной области «О ликвидации домовых церквей и часовен», но в том же году возродился как приход братской общины.

В конце концов, церковь, изначально предназначенная для облегчения телесных и душевных страданий пациентов и духовного окормления сотрудников детской больницы, была признана ненужной и окончательно упразднена. С купола и колокольни

ЦВЛ «Детская психиатрия».
Фото Д. Соколова. 2016

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 200. Оп. 1. Д. 762. О назначении на должность и службе попечителя больницы барона Иксуля фон Гильденбанта Ю. А.

сорвали кресты, срубили надалтарную главку, заложили оконные проёмы колокольни. Иконостас перенесли в Иоанновский монастырь на Карповке. В ликвидированном храме помещился традиционный для советских организаций и учреждений «ленинский уголок».

Поскольку физически объём церкви невозможно было уничтожить, не разрушив монолита главного корпуса, в период лихолетья помещения разорённого храма перестраивались и приспособлялись для утилитарного использования. В конце концов, в первые десятилетия XXI в. здесь располагались «комната президиума» и актёрский зал, раздражавший своей акустикой всех участников собраний и конференций – никакие аудиосистемы не помогали понимать ни речей ораторствующих, ни их смысла.

В 2001 г. комплекс строений бывшей И.Н.Д.Б., обладающий единым архитектурным стилем, внесён КГИОПом в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Главное здание, три лечебных павильона, металлическая ограда и сад включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве объекта культурного наследия регионального значения.

С 2003 по 2014 гг. в ходе капитального ремонта, реконструкции и частичной реставрации ансамбля И.Н.Д.Б., его строения приобрели «божеский» вид. От наружных архитектурных элементов храма до сегодняшнего дня сохранилась только небольшая одноярусная башенка-звонница. На колокольню ведёт винтовая чугунная лестница, придающая всей входной группе на чердачные помещения особый исторический колорит. В ходе реконструкции комплекса было восстановлено цветное оформление фасадов по авторскому замыслу А. Г. Голубкова: стены окрашены в светлую охру, декоративные элементы – в белый цвет. Благодаря этому, главное здание

с курдонёром и башенкой-звонницей возвратило памятнику истории его градостроительную значимость.

Общественно-экономические реалии начала XXI в. не позволили расширить территорию больницы. В 2007–2008 гг. окончательно ликвидированное соседнее электротехническое производство сменили новомодные бизнес-центры и уплотнительное жилищное строительство. В 2010 г. ЦВЛ «Детская психиатрия» предоставили право на условно-разрешённое использование земельного участка бывшего завода «Электрик», что предполагало запрет на строительство жилья на расстоянии ближе 500 метров от территории больницы. Однако, несмотря ни на что, группа компаний ЛСР в 2012–2018 гг. после сноса промышленных корпусов выстроила на их месте громоздкий жилой массив с претенциозным названием «Европа-Сити». Высотные железобетонные коробки, протянувшиеся от улицы Академика Павлова до проспекта Медиков, не только нарушили санитарную зону, но и разрушили «небесную линию» в перспективе улицы Чапыгина. «Судя по размаху работ, ни о какой санитарно-защитной зоне уже речи не идёт», – заявила СМИ председатель Петроградского отделения ВООПИиК Л. В. Семькина. Группа компаний ЛСР оставила этот риторический возглас без комментариев⁶⁶. Законопослушный застройщик, несомненно, информировал владельцев квадратных метров в ангароподобных человеиниках о проводившихся поблизости экспериментах с бациллами чумы, сибирской язвы, туркестанской холеры и летальных исходах среди персонала вследствие нарушений техники бактериологической безопасности.

⁶⁶ См.: Перспективу улицы Чапыгина полностью загородили высотками // Канонер. 2015. 24 марта; Началась застройка бывшего завода имени Шверника на Медиков // <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/zavoda-imeni-shvernika-namedikov/5718535/2021-11-11>.

Pro memoria

Мудрость отдельного человека есть достояние его времени.

Эдмунд Гуссерль

Детская больница, имея славу «благоустроенного и весьма полезного детского лечебного заведения», до последнего дня существования Империи не была ни государственным, ни ведомственным учреждением в буквальном смысле этих определений. В феномене И.Н.Д.Б. сошлись перекрёстки судеб «концепции медицинской полиции», то есть примата государственного регулирования народного здравоохранения, и «феномена российской благотворительности», опиравшегося на принцип «милостыни»,

независимо от сословной принадлежности жертвователя⁶⁷. Военные и революционные потрясения России 1917–1922 гг. погрузили в небытие имена доктора Н. К. Вяжлинского, архитектора А. Г. Голубкова, инженера-строителя Н. В. Смирнова, благотворителя С. Г. Раменского. Создатели И.Н.Д.Б. на Аптекарском острове сегодня известны лишь узкому кругу специалистов. Пришло время восстановить заслуги забытых потомками подвижников отечественного здравоохранения и творцов русской культуры. Первым шагом на этом пути может стать установление мемориальной доски на фасаде больницы с именами её основателей и благотворителей.

⁶⁷ См.: Благотворительность и милосердие Санкт-Петербурга: рубеж XIX–XX вв. / авт.-сост.: В. Н. Занозина, Е. А. Адаменко. СПб., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛОДУБРОВСКИЙ Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, историк Санкт-Петербурга. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член Координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

КОЛЕСИН Александр Николаевич

Окончил историко-педагогический факультет Новосибирского государственного педагогического института и аспирантуру философского факультета Ленинградского государственного университета. Методист и педагог-организатор учебно-воспитательного отдела СПб ГКУЗ «Центр восстановительного лечения “Детская психиатрия им. С. С. Мнухина”». Автор серии историко-краеведческих статей и циклов передач на «Радио Мария» по истории Императорской Николаевской детской больницы.

МАРТЫНОВ Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат первого и шестого киришских открытых городских краеведческих конкурсов «Наследники бестужевских традиций» 2012 и 2017 гг. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

РОМАНОВСКАЯ Марина Владимировна

Окончила Санкт-Петербургскую государственную педиатрическую медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Врач высшей квалификационной категории по специальности «Психиатрия». Главный врач СПб ГКУЗ «Центр восстановительного лечения “Детская психиатрия им. С. С. Мнухина”».

РЫЖКОВ Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в 2008–2017 и в 2019–2023 гг.

СИЗЁНОВ Евгений Петрович

Окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Автор нескольких книг по истории города Колпино, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Колпинцы. Историко-биографический справочник» (2009), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпинские мосты» (2016), а также публикаций в газетах и журналах. Автор (совместно с Р. С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).